

СЛѢДЫ

вліянія єврейскаго текста и древнихъ,
кромъ 70-ти, переводовъ на древнѣйшій
славянскій переводъ Библіи.

Убоихся бѣды раба онаго лѣниваго...
елико мощно постигши изложихъ.

(Изъ предисловія митрополита Саввы
къ Псалтири XIII в.).

Проф. Ф. Елеонскаго.

С.-ПЕТЕРБУРГъ.
Типографія М. Меркушева, Невскій пр., № 8.
1905.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Извлечено изъ журнала «Христианское Чтение», 1905 г.

	Стр.
Древнеславянскій переводъ Быт. II, 4—5	2
Первоначальный текстъ, съ котораго сдѣланъ этотъ переводъ и измѣненіе послѣдняго.	7
Сравнительное достоинство грекославянскаго и еврейскославянскаго переводовъ Быт. II, 5.	13
Антикритическое значеніе еврейскославянскаго перевода Быт. II, 5.	30
Древнеславянскій переводъ Исх. I, 7, и III, 4	33
Восполненіе грекославянскаго перевода въ иѣкоторыхъ его спи- скахъ по древнимъ переводамъ (Исх. I, 19; II, 21; III, 14 . . .	39
Кому обязанъ своимъ происхожденiemъ древній, до-Острожскій, славянскій переводъ иѣкоторыхъ мѣстъ ветхозав. текста, сдѣланный съ еврейскаго:	
1) Отвѣтъ на возраженіе	47
2) Отвѣтъ на поставленный вопросъ	62

ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ переводъ священныхъ книгъ Ветхаго Завѣта совершень былъ, какъ извѣстно, равноапостольными первоучителями славянъ—святыми Кирилломъ (Константиномъ—до принятія монашества) и Меѳодіемъ. Подлинникомъ для этого перевода, согласно съ указаніями древнихъ памятниковъ о дѣятельности славянскихъ первоучителей, признается обыкновенно греческій переводъ 70-ти tolkovниковъ.

При ознакомленіи съ древнимъ славянскимъ переводомъ, какъ опь сохранился въ различныхъ спискахъ, оказываются между тѣмъ слѣды вліянія на него—въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ мѣстахъ—еврейскаго текста. Эта особенность рукописнаго славянскаго перевода по нѣкоторымъ изъ списковъ обратила уже на себя вниманіе нашихъ изслѣдователей славянскихъ памятниковъ. Относительно списка Пятокнижія, находящагося въ Румянцевскомъ музѣѣ подъ № XXVII, въ «Описаніи русскихъ и славянскихъ рукописей», принадлежащемъ извѣстному слависту А. Х. Востокову, замѣчено: «Древнему ли прелагателю или позднѣйшему переправщику его извѣстенъ былъ, повидимому, еврейскій текстъ; ибо нѣкоторыя имена собственныя писаны сходно съ еврейскимъ произношеніемъ»¹). Кромѣ названного списка, и пѣкоторые другіе, содержащіе славянскій переводъ ветхозавѣтныхъ книгъ, представляютъ также ясные признаки того, что тотъ, кому принадлежить этотъ переводъ, былъ знакомъ съ еврейскимъ текстомъ и по мѣстамъ имъ пользовался, отступая отъ греческаго перевода. Разсмотр-

¹) Указывается на имена въ Числ. I и II гл.: *Елицуръ* вмѣсто *Елисуръ* по греческому переводу 70-ти, *Наахшонъ* вмѣсто *Наассонъ* и др.

рѣніе же самаго содержанія мѣстъ библейскаго текста, переведенныхъ съ еврейскаго, приводить къ тому заключенію, что принятый древнимъ славянскимъ переводчикомъ способъ передачи библейскаго текста на славянскій языкъ отличается наибольшою сообразностью съ составомъ библейской рѣчи.

Въ подтвержденіе и разъясненіе этихъ мыслей, приведемъ по различнымъ спискамъ древній славянскій переводъ пѣкіръхъ мѣстъ ветхозавѣтныхъ книгъ и разсмотримъ его отношеніе къ греческому переводу 70-ти, еврейскому тексту и другимъ древнимъ переводамъ, равно какъ—и относительное его достоинство.

Начнемъ съ Быт. II, 4—5.

Древнеславянскій переводъ Быт. II, 4—5.

Въ цынѣшней славянской Библіи это мѣсто читается такъ: *Сія книга бытія небеси и земли, егда бысть, въ онъ же денъ сотвори Господь Богъ небо и землю, и всякий злакъ селный, прежде даже быти на земли, и всякую траву селную, прежде даже прозябнути.* Этотъ переводъ представляетъ дословную передачу греческаго перевода 70-ти, читаемаго въ данномъ мѣстѣ одинаково во всѣхъ извѣстныхъ доселѣ спискахъ¹⁾. И по греческому и по славянскому переводу слова: *и всякий злакъ селный и всякую траву селную* находятся въ такой грамматической зависимости отъ предшествующаго имъ глагола: *сotвори*, какъ и слова: *небо и землю*. Въ томъ и другомъ переводахъ употреблено—далѣе—одпородное по смыслу выраженіе: *прежде даже быти и: прежде даже прозябнути*. Съ этимъ греко-славянскимъ переводомъ согласуется въ общемъ относительно словъ 5-го ст. и русскій переводъ въ извѣстныхъ «Запискахъ на книгу Бытія» (*Сіи суть порожденія небесъ и земли при сотвореніи ихъ, въ то время, когда Генова Богъ создалъ небеса и землю, и всякой полевой кустарникъ, котораго до того не было на земль, и всякую полевую траву, которая до того не произрастала*): и въ синодальномъ изда-

¹⁾ По Александрійскому списку, съ которымъ согласуются и другие, читается: Λέτη ἡ βριλός γενέσεως οὐρανοῦ καὶ γῆς, οὗτε ἐγενετο· ἡ ἡμέρα ἐποίησεν Κύριος δὲ θεός τούτου οὐρανού καὶ τὴν γῆν, καὶ πάντα χλωρὸν ἀγροῦ πρὸ τοῦ γενέσθαι ἐπὶ τῆς γῆς καὶ πάντα χρονὸν πρὸ τοῦ ἀνατεῖλαι.

ніи (*Вотъ происхожденіе неба и земли, при сотвореніи ихъ, въ то время, когда Господь Богъ создалъ землю и небо, и всякий полевой кустарникъ, котораго еще не было на земль, и всякую полевую траву, которая еще не росла*). Видимо различаясь съ славянскимъ переводомъ въ передачѣ отдѣльныхъ словъ¹⁾, въ существѣ дѣла оба русскихъ перевода оказываются согласными съ нимъ. Во всѣхъ ихъ выражается та основная мысль, что въ данномъ мѣстѣ кн. Бытія снова говорится не только о созданіи неба и земли (по греко-славян. переводу) или—земли и неба (по еврейск. тексту), но и о созданіи всякаго полеваго кустарника и всякой полевой травы, какъ не существовавшихъ на земль до того времени (по рус. переводамъ) или—дня (по грекославянскому).

Такой способъ передачи указанныхъ стиховъ Быт. II-й гл. не есть, однако, единственный у настѣ и вообще у славянъ. Въ древнія времена былъ у настѣ не только извѣстенъ, но и весьма распространенъ, можно даже сказать, господствовалъ значительно иной славянскій переводъ даннаго мѣста, въ которомъ послѣднее имѣть иной пѣсколько смыслъ и, какъ есть основаніе думать, наиболѣе сообразный съ библейскимъ по-вѣствованіемъ.

Этотъ древнеславянскій переводъ Быт. II, 4—5, сохранился въ немалочисленныхъ, весьма древнихъ, спискахъ славянскаго перевода, относящихся къ XII, XIII, XIV и XV вѣкамъ. Древнѣшій, сколько извѣстно, видъ прежняго славянскаго перевода Быт. II-й гл. находится въ «Паримійнике» изъ рукописнаго собранія Григоровича, XII или XIII вѣка, занимающемъ въ настоящее время первое по древности мѣсто между памятниками славянскаго перевода ветхозавѣтныхъ книгъ²⁾. Въ этомъ Паримійнике данное мѣсто, если древнія письмена передать современными русскими и разрѣшить титла, читается такъ:

¹⁾ Различие произошло ближайшимъ образомъ отъ того, что славянскій переводъ сдѣланъ съ греческаго, а русскій—съ еврейскаго текста. Отсюда въ первомъ читается, наприм., *сія книга бытія*, а во второмъ—*сіи суть порожденія* или: *вотъ происхожденіе*, что служить передачей двухъ начальныхъ еврейскихъ словъ 4-го стиха; вмѣсто *егда бысть* въ славян. переводѣ согласно съ греческимъ, въ русскомъ читается: *при сотвореніи*, согласно съ еврейскимъ.

²⁾ „Паримійникъ Григоровича“ хранится въ Московскому Румянцевскому музѣю. Онъ писанъ на пергаменѣ, сохранился не въ цѣломъ видѣ;

Си книги бытий небеси і земі, въ итьже дитъ створи Богъ небо и земя. и въсъкъ злакъ дубравны. прѣжде даже не бысть по земи. въсъка трѣва селнаѣ прѣжде даже не прозябе¹⁾.

И такого характера славянскій переводъ не составляетъ чего либо единичнаго, исключительнаго, свойственнаго только этому списку. Напротивъ, въ болѣе близкихъ къ нему по времени происхожденія Паримійникахъ, т. е. въ болѣе древнихъ изъ нихъ, читаются тѣ же характерныя для древняго славянскаго перевода слова: «и всякъ злакъ дубравный прѣжде даже не бысть на земли, и всяка трава селная прѣжде даже не прозябе». Изъ разсмотрѣнныхъ нами пергаментныхъ Паримійниковъ, хранящихся въ московскихъ книгохранилищахъ и относящихся къ XIII—XV вѣкамъ, такого рода переводъ находится въ большей ихъ части, а именно—изъ находящихся въ Румянцевскомъ музѣ—въ Паримійникахъ: № 1207 (изъ собранія Унодольского), 1378 г., № СССР, 1370 г. (здесь опущены только слова: «и всяка трава селная... не прозябе»), № СССIV, XV в.,—изъ находящихся въ типографской синодальной библіотекѣ — № 49 (прежній № 156), XIII в., № 54 (прежній—160), XIV в., № 56 (прежній—162), XIV—XV в., и № 57 (прежній—163), XIV—XV в.; разность текста двухъ послѣднихъ Паримійниковъ отъ вышеизванныхъ состоить только въ томъ, что въ нихъ вмѣсто «злака» читается, очевидно, по непамѣренной ошибкѣ писца, «зракъ» и вмѣсто «селная»—«сѣменьна», каковыя разности неизмѣняютъ, конечно, одинаковости общаго смысла, выражаемаго текстомъ этихъ двухъ Паримійниковъ²⁾.

письмо его болгарское уставное. Онъ найденъ проф. Григоровичемъ на Аѳонѣ въ Хиландарскомъ монастырѣ. Значительная часть этого драгоценнаго памятника славянской древности издана проф. Р. Ф. Брандтомъ подъ заглавиемъ: „Григоровичъ Паримійникъ“. Вып. I, II и III.

¹⁾ Это паримійное чтеніе напечатано съ соблюдениемъ особенностей древняго письма въ названномъ выше изданіи г. Брандта, вып. II, стр. 105—106. Нами оно сличено съ подлинникомъ; исключено только „и“ передъ „въсъка“, какъ не читаемое въ подлиннике.

²⁾ Другое Паримійники названныхъ библіотекъ частію содержать тотъ же переводъ, частію въ измѣненномъ видѣ; таковы: Румянцевскаго музея № СССР, XIV в., въ которомъ 5-й ст. читается: „и всякъ дубравный прѣжде даже не бы... и всяку траву сѣменитую прѣжде прозябенъ“—московской Синодальной типографіи № 50 (прежній № 157), XIII в., въ ко-

Распространенность приведенного древнеславянскаго перевода Быт. II, 4—5, не ограничивалась только Паримійниками. Въ такомъ же или очень близкомъ къ этому видѣ читалось данное мѣсто кн. Бытія и въ нѣкоторыхъ полныхъ спискахъ славянскаго перевода этой священной книги. Такова, во-первыхъ, пергаментная рукопись Свято-Троицкой Сергіевской лавры № 1 (прежній—2013), XIV в., содержащая Пятикнижіе. Въ ней это мѣсто читается такъ, если древнія письмена передать нынѣшними русскими: «Сия книги бытия небеси и земля. выньже день створи Богъ небо и землю. и всякъ злакъ дубравныи прѣжде даже не бысть по земли и всяка трава селная прѣжде даже не прозябе».

И этотъ полный списокъ съ такимъ переводомъ опять не единственный. Такой же смыслъ, не смотря на нѣкоторыя разности въ передачѣ отдѣльныхъ словъ, имѣть это мѣсто кн. Бытія въ трехъ спискахъ Румянцевскаго музея: Севастьянниковскомъ № 1 (прежній—1431), начала XV в.¹⁾, списокъ № XXIX, 1537 г.²⁾ и списокъ изъ собранія Григоровича

торомъ то же мѣсто читается: „и всякъ злакъ дубравныи прѣжде не бысть на земли. всяку траву селную прѣжде прозябенъ“; такое же чтеніе находится въ Паримійникѣ той же библіотеки № 55 (прежній—161), XIV в. Въ Паримійникѣ этой же библіотеки № 51 (прежній—158), XIII—XIV в., переводъ данного мѣста такъ сокращенъ, что изъ двухъ предложенийъ, составляющихъ первую половину 5-го ст., сдѣлано одно и допущена кромѣ того явная ошибка (: «и всякъ зракъ дубравныи прѣжде даиже не прорасти»); и этотъ сокращенный видъ текста даетъ однако замѣтить въ немъ отличительную особенность древнеславянскаго перевода этого мѣста („не прорасти“ вмѣсто „прѣжде даже не прозябнути“). Приведенные чтенія паримійниковъ №№ СССР, 50 и 55 показываютъ, что въ то время, когда они получили свое происхожденіе, у занимавшихся списываніемъ славянскаго текста Библії, происходило колебаніе между древнимъ славянскимъ переводомъ, не соотвѣтствующимъ, какъ показано будетъ далѣе, греческому тексту 70-ти, и тѣмъ—, который соотвѣтствовалъ въ данномъ мѣстѣ послѣднему. Чѣмъ затѣмъ кончилось это колебаніе, показано будетъ далѣе.

¹⁾ Въ Севастьяновскомъ си., представляющемъ славянскій текстъ Пятикнижія, кн. I. Навина, Судей, Руѣ и Царствъ въ сербскомъ правописаніи, читается, если древнія письмена передать нынѣшними русскими буквами, данное мѣсто слѣд. образомъ: „Сие книги бытия небеси и земле. выньже дньнъ створи Богъ небо и землю. и выскы злакъ земльныи прѣжде даже не бысть по земли всака трава земльнаа прѣжде даже не изниче“.

²⁾ Въ си. № XXIX, заключающемъ славянскій переводъ тѣхъ же свящ. книгъ въ болгарскомъ правописаніи, читается тоже мѣсто такъ:

№ 1, первой половины XV в.¹⁾). Извѣстны въ настояще время и нѣкоторые другіе списки, въ которыхъ находится однородный съ указанными списками переводъ Быт. II, 4—5²⁾.

Такимъ образомъ не въ пѣкоторыхъ только, а во многихъ древнихъ спискахъ, находится переводъ Быт. II, 4—5, отличный отъ нынѣшняго. Понятно, что онъ заслуживаетъ полнаго вниманія къ себѣ и вслѣдствіе своей древности и вслѣдствіе распространенности у нашихъ предковъ. Существенная особенность его состоить въ томъ, что вмѣсто словъ: *прежде даже быти... прежде даже прозябнuti* здѣсь читается: *прежде даже не бысть... прежде даже не прозябъ.* Вслѣдствіе такого измѣненія глаголовъ: «быть» и «прозябать» изъ неопределеннаго наклоненія въ изъявительное вмѣстѣ съ прибавленіемъ частицы: «не», предшествующа глаголамъ слова: *всякъ* злакъ сельный», «всякая трава сельная» не могутъ, по требованію грамматического построения рѣчи, служить дополненіемъ къ предшествующему глаголу: «створи» (въ ст. 4-мъ) и стоять въ винительномъ отъ него падежѣ. Вмѣсто того слова эти являются въ древнѣйшемъ славянскомъ переводѣ подлежащими

„Сія книги бытія небесе и земля. вѣнже день сътвори Богъ небо и земля. и всѣкъ злакъ земныи прѣжде даже не бысть по земли вѣсакаа тѣва земнаа прѣжде даже не изниче“.

¹⁾ Въ сп. Григоровича, содержащемъ славянскій переводъ тѣхъ же свящ. книги, какъ и списки Севастьяновскій и XXIX-й, и имѣющимъ сербское правописаніе, разсмотриваемое мѣсто выражено тѣми же словами, какъ и въ сп. Севастьяновскому, за исключениемъ той разности, что послѣ „вѣнже“ пропущено „день“, что вмѣсто „вѣсакы“ здѣсь написано: „всакъ“, и вмѣсто „вѣсакаа“—„вѣсака“.

²⁾ При этомъ имѣется въ виду не оконченное печатаніемъ изданіе А. В. Михайлова: „Книга Бытія пророка Моисея въ древнеславянскомъ переводе“. Здѣсь въ разночтеніяхъ къ Быт. II, 4—5, кроме вышеназванныхъ полныхъ списковъ указаны еще: М, т. е. сп. Михановича въ Загребѣ, и А, т. е. сп. Аѳонскій. Изъ этого изданія, сдѣлавшагося доступнымъ намъ прежде его выпуска, впервые узнали мы,—о чёмъ заявляемъ съ глубокою благодарностью—о существованіи особаго древнеславянскаго перевода Быт. II, 4—5. До этого времени извѣстна была намъ такого рода передача даннаго мѣста изъ Сирскаго перевода (въ латинскомъ переложеніи) и нѣкоторыхъ русскихъ переводовъ съ еврейскаго (разумѣются переводъ прот. Г. П. Павскаго и—изданный въ Вѣнѣ для употребленія евреямъ). Существованіе древнеславянскаго перевода такого же содержанія было для насъ не только пріятною неожиданностью, но и важнымъ свидѣтельствомъ въ пользу этого перевода, а вмѣстѣ съ тѣмъ и новымъ побужденіемъ къ занятію древнеславянскимъ переводомъ.

при глаголахъ: «не бысть» и «не прозябѣ»; вмѣсто «всяку траву сельную» читается здѣсь: «всякая трава сельная». Внутреннее слѣдствіе такого измѣненія въ грамматическомъ построеніи библейской рѣчи состоить въ томъ, что 5-й ст. въ этомъ переводѣ получаетъ иной значительно смыслъ, чѣмъ какой выражается нынѣшнимъ славянскимъ переводомъ. По древнеславянскому переводу библейскій бытописатель говорить здѣсь не о созданіи не бывшихъ прежде, злака сельного и травы сельной, а объ отсутствіи того и другой въ то время исторіи творенія неба и земли, какое онъ означилъ словами: *въ онъ же денъ*¹⁾.

Первоначальный текстъ, съ котораго сдѣланъ древнеславянскій переводъ Быт. II, 4—5, и измѣненіе послѣдняго.

Сравненіе древнеславянскаго перевода Быт. II, 4—5, съ оригинальнымъ и древними переводами приводить къ тому заключенію, что первоисточникомъ его служилъ не греческій переводъ 70-ти, насколько извѣстны доселѣ его чтенія въ различныхъ спискахъ, равно какъ не халдейскій таргумъ Онkelоса и не позднѣйшіе греческіе переводы (Акилы, Симмаха и Феодотіона), равно какъ и не переводъ блаж. Иеронима, а именно еврейскій текстъ или древній сирскій переводъ, такъ называемый Пешито.

Особенности греческаго перевода 70-ти относительно Быт. II, 4—5, были уже разсмотрѣны выше. Какихъ либо разностей, касающихся самыхъ характерныхъ въ данномъ мѣстѣ перевода выражений: (*πρὸ τοῦ γενέσθαι*) *прежде даже быти и:* (*πρὸ τοῦ ἀντεῖλαι*) *прежде даже прозябнuti*, не указывается ни въ одномъ изъ изданий греческаго текста 70-ти²⁾. Тѣ небольшія разности, какія въ указанныхъ стихахъ встрѣчаются въ нѣкоторыхъ греческихъ спискахъ, касаются другихъ словъ и не имѣютъ въ данномъ отношеніи значенія³⁾. При такомъ содер-

¹⁾ Въ какомъ смыслѣ бытописатель употребилъ это выраженіе, въ разсмотрѣніе этого не будемъ входить, такъ какъ это не имѣть неразрывной связи съ переводомъ даннаго мѣста кн. Бытія.

²⁾ Разумѣются изданія: *Holmes-Parsons'a. Vetus Testamentum cum variis lectionibus; Field. Origenis Hexaplorum quae supersunt; Pauli de Lagurde. Genesis graeca;* его же: *Librorum Veteris Testamenti canoniconum pars prigia et H. B. Swete. The Old Testament in greek.*

³⁾ Такъ, по *Holmes*, послѣ *η γέρα* читается *ὅτε*=„когда“; слово: *Κύρος*=„Господь“ предѣль *θεός*=„Богъ“ не читается во многихъ спискахъ.

жаніи греческого перевода, заключающаго указанныя выражениія, какъ неизмѣнную часть своего состава, вышеупомянутый древнеславянскій переводъ не можетъ быть, конечно, произведимъ изъ него, какъ имѣющаго другую форму рѣчи, отличную отъ той, какая употреблена въ древнеславянскомъ переводѣ (разумѣется предлогъ [*πρό*] съ глаголомъ въ неокончательномъ наклоненіи, читаемый здѣсь въ греческомъ переводѣ, между тѣмъ какъ въ древнеславянскомъ нѣтъ этого предлога и глаголъ стоять въ изъявительномъ наклоненіи) и неимѣющаго отрицательной частицы «не», которая между тѣмъ находится здѣсь въ древнеславянскомъ переводѣ. При размышиленіи о томъ, не явился ли все-таки древнеславянскій переводъ Быт. II, 4—5 изъ греческаго, — можетъ возникнуть такое соображеніе: если греческій переводъ сдѣланъ съ еврейскаго, то на основаніи первого возможно было дойти и до той мысли, какая выражена здѣсь въ послѣднемъ. Это возможное соображеніе устраивается другимъ, состоящимъ въ томъ, что древнему славянскому переводчику дальнаго мѣста кн. Бытія, если оригиналъ для него служилъ только греческій переводъ 70-ти, во всякомъ случаѣ было ближе и естественнѣе передать по славянски находящіяся въ немъ выраженія (*: прежде даже бытии* и др.), а не измѣнять ихъ на основаніи своихъ соображеній о смыслѣ того текста, передачей которого служилъ греческій переводъ; если онъ поступилъ вопреки этому, если онъ не перевелъ, а измѣнилъ читаемыя въ греческомъ переводѣ выраженія въ другія, отличающіяся отъ первыхъ въ грамматическомъ отношеніи и—по самому смыслу рѣчи вслѣдствіе привнесенія частицы «не», то, необходимо полагать, что древній славянскій переводчикъ пользовался здѣсь не греческимъ, а другимъ текстомъ.

Столь же первѣроятно происхожденіе древнеславянскаго перевода Быт. II, 4—5, и изъ Таргума Онкелоса. Здѣсь эти стихи переданы тѣми же словами, какъ и у 70-ти: «Сіи суть порожденія неба и земли, когда были сотворены: въ день, въ который создалъ Господь Богъ землю и небо, и все дерева полевые, прежде чѣмъ были на землѣ, и всякую траву поле-

вмѣсто γενέσθαι въ 3-хъ сп. читается ἀνατεῖλαι „произрастить“, а вмѣсто ἀνατεῖλαι читается ἀνατεῖλαι=„вырастать“. Въ изданіи *Field'a* приведены только вѣсомо отличные отъ 70-ти переводы начальныхъ словъ 4-го ст.: αὕται αἱ γενέσεις у Симмаха и: τοῦτο βρέλιον γεννημάτων Λόδη у Акилы.

вую, прежде чѣмъ начала произрастать»¹⁾. Сходенъ съ этимъ и переводъ блаж. Иеронима въ Вульгатѣ, имѣющій такой смыслъ: «Сіи суть порожденія неба и земли, когда сотворены, были, въ день, въ который создалъ Господь Богъ небо и землю и всякий кустарникъ полевой, прежде чѣмъ появился на землѣ, и всякую траву страны, прежде чѣмъ начала произрастать»²⁾. Такъ какъ халдейскій и латинскій переводы оказываются въ общемъ³⁾ согласными съ греческимъ, то указанная выше неизвѣроятность происхожденія древнеславянскаго перевода отъ греческаго въ полной мѣрѣ распространяется и на эти переводы. Въ нихъдержано то же соподчиненіе словъ, означающихъ виды растеній, глаголу: *состори* и тѣ же характерныя выраженія: «прежде чѣмъ были» или «появился»; постѣдніядержаныбы конечно и древній славянскій переводчикъ, если бы онъ пользовался однимъ изъ этихъ переводовъ.

Происхожденіе древне-славянскаго перевода 5-го⁴⁾ ст.: «и всякий злакъ дубравный прежде даже не бысть по земли и всякая трава селная прежде даже не прозябъ» можетъ быть съ полною удовлетворительностью объяснено только изъ еврейскаго текста. Съ еврейскаго этотъ стихъ (первая его половина) съ дословною точностью переводится такъ: «И всякаго кустарника полевого еще не было на землѣ, и всякая трава полевая еще не росла»⁵⁾. Такъ же переведено это мѣсто и въ

¹⁾ Текстъ халдейскаго таргума въ латинскомъ переводе по Полиглоттѣ Вальтона: *istae sunt generationes coeli et terrae, quando creatae sunt: in die, quo fecit Dominus Deus terram et coelum et omnes arbores agri antequam essent in terra, et omnia herbam agri antequam germinaret.*

²⁾ Текстъ Вульгаты по изданію Тишендорфа: *Istae sunt generationes coeli et terrae, quando creatae sunt, in die quo fecit Dominus Deus coelum et terram: et omne virgultum agri antequam oriretur in terra, omniaque herbam regionis priusquam germinaret.*

³⁾ Хотя въ частностяхъ есть нѣкоторыя разности между греческимъ и халдейскими переводами. Такъ въ первомъ читается: *въ онѣже день... небо и землю*, во второмъ: *„въ день, въ который... землю и небо“* согласно съ еврейскимъ текстомъ; въ первомъ: *всякий злакъ селный..*; во второмъ: *„все дерева полевые“*.

⁴⁾ Древне-славянскій переводъ 4-го ст. не будетъ далѣе входить въ наше разсмотрѣніе, такъ какъ онъ не представляетъ разностей сравнительно съ нынѣшнимъ славянскимъ переводомъ.

⁵⁾ Въ такомъ смыслѣ переведено на русскій языкъ съ еврейскаго это мѣсто кн. Бытія у прот. Г. П. Павлова и въ Вѣнскомъ изданіи Пятокнижія для употребленія евреемъ, съ тою незначительною разностью, что въ послѣднихъ вмѣсто словъ: „и всякаго кустарника полеваго.. и

Пешито: «А всѣхъ деревьевъ полевыхъ не было еще на земль, и всякая трава полевая еще не произросла»¹⁾. Совершенное сходство древне-славянского перевода съ этими двумя ясно и несомнѣнно. Какъ въ послѣднихъ, такъ и въ первомъ словами: «и всякаго полевого кустарника еще не было» начинается новое предложеніе. Какъ въ еврейскомъ текстѣ и сирскомъ переводѣ, такъ и въ древне-славянскомъ глаголы: «быть» и «расти» поставлены въ изъявительномъ паклоненіи, въ прошшедшемъ времени. Какъ въ двухъ первыхъ, такъ и въ третьемъ этимъ глаголамъ предшествуетъ нарѣчіе: «еще не».

Такимъ образомъ оказывается, что въ древнее время на славянскомъ языкѣ существовалъ переводъ Быт. II, 5, несходный съ тѣмъ, какой употребляется въ настоящее время,— переводъ, сдѣланный не съ греческаго, а съ еврейскаго текста и согласного съ нимъ древняго сирскаго. Этотъ древній переводъ, употреблявшися у насъ въ продолженіе первыхъ пяти

всякая трава полевая" употреблены выраженія: "никакого полеваго кустарника... и никакая полевая трава". Смыслъ того и другого выраженій, конечно, одинаковъ; принятый у насъ переводъ отличается только дословною буквальностью въ передачѣ выражений еврейскаго текста, въ которомъ употреблено здѣсь именно слово: "весь", "всякій" („кол“) съ отрицательной частицей при глаголахъ.—Такого рода переводъ данного мѣста можетъ быть названъ общепринятымъ въ настоящее время у другихъ христіанскихъ народовъ. Что разумѣется подъ названіями: "полевой кустарникъ" и "полевая трава", сказано будетъ далѣе.

¹⁾ Этотъ переводъ съ Сирскаго Пешито сдѣланъ по латинскому его переводу въ Полиглоттѣ Вальтона: Omnes autem arbores agri non dum erant in terra et omnis herba agri nondum germinaverat. Весьма сходенье съ этимъ и переводъ даннаго мѣста въ Иерусалимскомъ Таргумѣ на Пятикнижіе, приписываемомъ Іонафану бену Узела; здѣсь по латинскому переводу (Walton. Poliglotta. t. IV), читается: Et omnes arbores agri adhuc non erant in terra et omnes herbas agri adhuc non germerant—, и всѣхъ деревьевъ полевыхъ до того не было на земль и всѣ травы полевые до того не росли". Происхожденіе сирскаго Пешито относится къ половинѣ 2-го христ. вѣка; происхожденіе названаго Таргума—къ 7-му христ. вѣку. Въ виду того, что Пешито и Таргумъ суть переводы, изъ которыхъ второй отличается, какъ известно, вольностью въ передачѣ текста и разнаго рода дополненіями,—притомъ, переводы довольно позднаго происхожденія сравнительно съ греческимъ 70-ти, представляется не-правдоподобнымъ то, чтобы древній славянскій переводчикъ при своемъ трудѣ обосновался на нихъ однихъ и не предпочелъ имъ греческаго—70 ти. Если они могли въ глазахъ его имѣть значеніе, то притомъ единственно условіи, когда они оказывались точной передачей еврейскаго текста, который слѣдовательно онъ зналъ непосредственно и имъ пользовался главнымъ образомъ при переводѣ даннаго мѣста кн. Бытія.

вѣковъ по принятіи христіанства, въ XVI-мъ столѣтіи сталь уступать свое мѣсто новому переводу, согласному съ греческимъ текстомъ 70-ти. Такъ въ Паримійникѣ Румянцевскаго Музея (изъ собранія Севастьянова № 1439), называемомъ Ляпуновскимъ, 1511-го года, читается: «и всякъ злакъ сеи прежде даиже быти на земли и всяку траву селну прежде даиже прозябнути». Сходный съ этимъ переводъ представляетъ и списокъ Паримійника и Общей Минеи, находящійся въ томъ же музѣѣ (№ 3338), 1530 года; въ немъ читается: «и всякъ злакъ сельныи прежде даже быти на земли, и всяку траву селную прежде даже прозябнути». Въ известной Гениадіевской Библіи 1499 г. равнымъ образомъ читается: «и всякъ злакъ сельныи прежде даже быти на земли и всяку траву селну прежде даже прозябнути». Этотъ переводъ принять быль затѣмъ въ Острожскую Библію, въ Первопечатную 1663 года¹⁾, равно какъ и въ Елизаветинскую. Впрочемъ въ пѣкоторыхъ спискахъ XVI вѣка употреблялся еще древній переводъ даннаго мѣста, какъ показываетъ приведенное выше чтеніе списка Румянцевскаго музея № XXIX.

Замѣна древняго перевода Быт. II, 5, въ концѣ XV в., какъ показываетъ текстъ Гениадіевской Библіи, могла бытъ сдѣлана при новой²⁾ свѣркѣ существовавшаго у насъ перевода ветхозавѣтныхъ книгъ съ греческимъ подлинникомъ, которая, необходимо думать, производилась въ это приближительно — время³⁾. Надъ переводомъ Новозавѣтныхъ книгъ

1) Въ самомъ началѣ XVIII в. древній переводъ даннаго мѣста кн. Бытія быль уже неизвѣстенъ, повидимому, у насъ самымъ свѣдущимъ библейстамъ; по крайней мѣрѣ въ спискѣ исправленій текста Первопечатной Библіи, сдѣланныхъ Петровскими справщиками, и сохранившихся въ рукописи Москов. Синодальной Библіотеки, № 4-й, вѣтъ указаній на древній переводъ этого мѣста, хотя послѣднее обращало на себя ихъ вниманіе, какъ видно изъ сдѣланныхъ ими исправленій отдельныхъ рѣченій; "прозябнути", наприм., они замѣнили словомъ „прорости“.

2) Начало свѣркѣ первоначальнаго перевода Библіи съ греческимъ подлинникомъ относить еще ко временамъ св. Владимира и Ярослава. (Проф. Г. А. Воскресенскій. Характеристическая черты четырехъ редакцій славянскаго перевода Евангелія отъ Марка... стр. 256).

3) Что въ XV или XVI вв. производилось у насъ исправленіе перевода ветхоз. книгъ, пѣкоторымъ указаніемъ на это служить сдѣланное однимъ изъ отечественныхъ библейстовъ наблюденіе, что въ это, „по всей вѣроятности“, время появилась новая редакція „Толковыхъ пророчествъ“, задавшаяся цѣлью „послѣдовательно... упростить древній переводъ“. (И. Е. Евспѣевъ. Книга пророка Исаіи въ древне-славянскомъ переводе. стр. 28).

произведена была такого рода свѣрка еще въ XIV вѣкѣ, какъ показываетъ переводъ Нового Завѣта, приписываемый св. Алексію, митрополиту московскому, и отличающійся «крайною буквальностью»¹⁾ въ передачѣ греческаго подлинника на славянскій языкъ. Когда производилась свѣрка существовавшаго въ то время славянскаго перевода кн. Бытія, не могло, конечно, ускользнуть отъ вниманія справщикоў замѣтное несоответствіе перевода данного мѣста съ греческимъ текстомъ. Вполнѣ естественно, что это несоответствіе было устраниено; древній переводъ данного мѣста былъ измѣненъ согласно съ греческимъ подлинникомъ: глаголы: «быть» и «прозабѣть», согласно съ греческимъ (*πρό τοῦ γενέσθαι* и *πρό τοῦ ἀνατεῖλαι*), вмѣсто изъявительного наклоненія, поставлены въ неокончательномъ наклоненіи въ зависимости отъ предлога: (*πρό—*) «прежде», причемъ частица «не», стоявшая при этихъ глаголахъ, оказалась, конечно, излишнею, какъ не имѣющая ничего соотвѣтствующаго себѣ въ греческомъ текстѣ; слѣдствіемъ же такого измѣненія глагольныхъ формъ было то, что прежнія подлежащія при глаголахъ: *всяк злакъ дубравный или сельный и всяка трава сельная* превратились въ слова дополнительныя при предшествующемъ глаголѣ: *сотови*²⁾. Такъ, можно думать,

Что касается высказанного при этомъ съ рѣшительностью мнѣнія, что это новое исправленіе древніго перевода сдѣлано было безъ всякой свѣрки съ греческимъ подлинникомъ, то оно представляется весьма сомнительнымъ въ виду произведенной въ это именно время замѣны древніго перевода Быт. II, 5, новымъ, которая могла произойти только при и вслѣдствіе свѣрки существовавшаго перевода съ греческимъ текстомъ.

¹⁾ Г. А. Воскресенскій. Характеристичкія черты четырехъ редакцій славянскаго перевода Евангелія отъ Марка по сто двѣнадцати рукописямъ Евангелія XI—XVI вв., стр. 273.

²⁾ Какъ въ другихъ мѣстахъ библейскаго текста, въ которыхъ по греческому тексту употребленъ предлогъ *πρό* съ зависящимъ отъ него глаголомъ въ неопределѣленномъ наклоненіи (наприм. въ Исх. XII, 34; Нав. III, 1, о переводѣ каковыхъ см. далѣе), этотъ предлогъ переводится словомъ: «прежде», «прежде неже», такъ и въ Быт. II, 5, выраженіемъ: *πρό τοῦ γενέσθαι... πρό τοῦ ἀνατεῖλαι* данъ былъ такой же переводъ: *прежде быти... прежде даже прозабыти*. Въ этомъ новомъ славянскомъ переводе можетъ возбуждать пѣкоторое недоумѣніе частица: «даже», не имѣющая для себя основанія въ греческомъ текстѣ и не встрѣчающаяся въ другихъ мѣстахъ библейскаго текста по новому славянскому переводу, въ которыхъ по греческому тексту употребленъ тотъ же предлогъ (: *πρό*) съ глаголомъ въ неокончательномъ наклоненіи. При отсутствіи основавшаго для внесенія въ новый славянскій переводъ этой частицы, существованіе ея здѣсь съ вѣроятностью объясняется тѣмъ, что она не-

произошло измѣненіе древніаго славянскаго перевода Быт. II, 5, подъ вліяніемъ греческаго текста и только частица «даже», читаемая въ новомъ славянскомъ переводе, служить остаткомъ прежніаго перевода и нѣкоторымъ напоминаніемъ о немъ.

Исторія славянскаго перевода представляетъ такимъ обр. два несходныхъ между собою перевода Быт. II, 4—5; по одному, принятому въ позднѣйшее время, говорится здѣсь то, что Господь Богъ создалъ небо, землю и всякий злакъ сельный и траву сельную; по другому, древнѣйшему,—то, что Господь Богъ создалъ небо и землю, а о злакѣ сельномъ и травѣ сельной говорится то, что ихъ еще не было въ то время, которое разумѣеть здѣсь Бытописатель. Который же изъ этихъ двухъ переводовъ имѣеть на своей сторонѣ преимущество наибольшей правильности и сообразности, тотъ ли, какой употребляется въ настоящее время и который для краткости можетъ быть названъ греко-славянскимъ, или тотъ, какой употреблялся у нашихъ предковъ и который можетъ быть названъ еврейско-славянскимъ?

Сравнительное достоинство грекославянского и еврейскославянского переводовъ Быт. II, 5.

Надлежащее выясненіе этого достоинства *достигается не столько через разборъ состава речи первоначального библейскаго текста, сколько через разсмотрѣніе самаго содержанія* данного мѣста кн. Бытія.

По еврейскому тексту, который 70-ть толковниковъ несомнѣнно читали также, какъ читается онъ и въ настоящее время¹⁾, начальная слова 5-го стиха (: *и всякий злакъ сельный*) являются столь тѣсно связанными съ предшествующими имъ конечными словами 4-го ст. (: *землю и небо* или по 70-ти: *небо и землю*), что могутъ быть разматриваемы, какъ непосредственное продолженіе вторыхъ²⁾; а такъ какъ эти послѣднія, т. е. *землю и небо* стоятъ въ винительномъ належѣть отъ перенесена изъ древніаго славянскаго перевода, въ которомъ служила передачей еврейскаго нарѣчія *„теремъ“*.

¹⁾ Въ этомъ съ несомнѣнностью убѣждаетъ самый составъ словъ перевода 70-ти, по значенію ихъ и порядку слѣдованія соотвѣтствующій вообще нынѣшнему еврейскому тексту.

²⁾ Въ нынѣшней евр. Библіи тѣ и другія слова раздѣлены знакомъ, соотвѣтствующимъ нынѣшней точкѣ, но это раздѣленіе, какъ извѣстно, не изначальное; оно возникло впослѣдствіи, послѣ временъ 70-ти толковниковъ.

глагола: *соствори*, то въ такое же сочетаніе слѣдуетъ, повидимому, ставить и начальныя слова 5-го ст., какъ это и сдѣлали 70-ть, а согласно съ ихъ переводомъ сдѣлано и въ новомъ славянскомъ переводе. Въ пользу этого грекославянского перевода можетъ говорить—далѣе—то, что употребленное въ 5-мъ ст. еврейское слово «теремъ», переведенное словами: (*πρό* ==) «прежде даже» употреблено въ другихъ нѣкоторыхъ мѣстахъ библейского текста несомнѣнно въ значеніи: «прежде чѣмъ», наприм., въ Исх. XII, 34: (по евр. т.: теремъ йехемацъ ==) *прежде нежели вскисло*¹⁾, разумѣется тѣсто; Нав. III, 1: (евр. теремъ йаавору ==) «прежде чѣмъ перешли»²⁾. Общая черта построенія еврейской рѣчи во всѣхъ этихъ мѣстахъ состоить въ томъ, что подлежащее опускается, т. е., подразумѣвается, а глаголь ставится въ прошедшемъ времени, какъ и въ Быт. II, 5 («йиглэ» == «быль», «йіцмахъ» == произрасталъ); при этомъ у 70-ти прошедшее время переводится обыкновенно неокончательнымъ наклоненіемъ отъ предлога: (*πρὸ* ==) «прежде». Грекославянскій переводъ начальныхъ словъ Быт. II, 5, имѣеть такимъ образомъ своего рода основаніе.

Вмѣсть съ этимъ нужно имѣть однако въ виду ту особенность еврейского словоупотребленія, что названное еврейское слово («теремъ») несомнѣнно имѣеть также и значеніе: «еще не», наприм., въ Исх. IX, 30, Моисей говоритъ фараону, по дословному переводу съ еврейскаго: «и (или: «а») ты и рабы твои, я знаю, что еще не убоитесь Господа». Здѣсь частица: «еще не» выражена въ евр. текстѣ словомъ: «теремъ» и такое значеніе столь ясно и непререкаемо здѣсь, что въ переводе этого мѣста нѣть разногласія между древними и новыми переводчиками; и 70-ть, переведившиѳ обыкновенно эту частицу предлогомъ: (*πρὸ*, *πρὶν* ==) «прежде», употребили здѣсь (*οὐδέποτε* ==) «еще не», а согласно съ ними читается и въ Славян. Б.: *ты же и раби твои вѣмъ, яко еще не убоистесь*. Въ такомъ же значеніи, нужно полагать, употреблено «теремъ» и въ 1 Цар.

¹⁾ У 70-ти: *πρὸ τοῦ ζωμωθῆναι*; въ Слав. Б.: *прежде вскисенія*; въ русск. пер. Синод. изд.: *прежде нежесли оно вскисло*; „оно“ въ послѣднемъ прибавлено для ясности.

²⁾ У 70-ти: *πρὸ τοῦ διαβῆναι*; въ Слав. Б.: *прежде неже прѣйти*; въ изданіи Библейскаго Общества и въ русск. пер. Синод. изданія: „еще не переходя его“; здѣсь евр. „теремъ“ принято въ значеніи: „еще не“ и прош. время евр. глагола (йаавору) передано дѣепричастіемъ; переводъ „прежде чѣмъ перешли“ болѣе здѣсь соотвѣтствуетъ составу еврейскаго текста.

III, 7, гдѣ библейскій повѣствователь, объясняя причину, по которой юный Самуилъ не понялъ бывшаго ему божественнаго призыва, употребилъ еврейскій глаголь «знать» («ійада») въ прошедшемъ времени съ нарѣчіемъ: «теремъ»; послѣднее можетъ быть понимаемо здѣсь только въ значеніи «еще не», потому что при передачѣ *его* словомъ: «прежде чѣмъ» рѣчь библейскаго писателя утрачиваетъ свой опредѣленный смыслъ и законченность, какъ это и представляеть греческій переводъ, въ которомъ данное мѣсто¹⁾, при возможно болѣе близкой передачѣ его на русскій языкъ, состояло бы изъ слѣд. словъ: «и Самуилъ прежде чѣмъ зналъ Бога и открылось ему слово Господне»:—рѣчь, явно не законченная; въ ней, очевидно, не достаетъ указанія на то, что было прежде, чѣмъ Самуилъ научился узнавать божественный призывъ; дальнѣйшія слова повѣствованія не могутъ служить такимъ указаниемъ, такъ какъ въ нихъ говорится о томъ, что было послѣ этого божественнаго призыва: *и приложи*, говорится вслѣдъ за вышеприведенными словами, *Господь призвати Самуила*. Вслѣдствіе явной неполноты рѣчи, представляемой здѣсь греческимъ переводомъ, славянскіе переводчики отступили здѣсь отъ него и вмѣсто «прежде», какъ въ греческомъ, употребили, согласно съ значеніемъ евр. «теремъ» или переводомъ послѣдняго въ Вульгатѣ²⁾, «еще не», какъ и читается въ нынѣшней славянской Библіи: *Самуилъ же вѣ то времѧ еще не познаваше Бога...* и въ русскомъ Синодального изданія. Въ этомъ же значеніи употреблено, нужно думать, разматриваемое еврейское рѣченіе и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ библейского текста³⁾.

¹⁾ Καὶ Σαμουὴλ πρὶν γνῶναι Θεὸν καὶ ἀποκαλυφθῆναι αὐτῷ ρῆμα Κυρίου.

²⁾ Propterea Samuel needum sciebat Dominum == „а Самуилъ еще не зналъ Господа“.

³⁾ Каковы, наприм., 1 Цар. III, 3, по русск. переводу Синод. изданія: *и свѣтильникъ Божій еще не (— „теремъ“) погасъ*, чemu въ славянской Библіи соотвѣтствуетъ: *и прежде неже угасе свѣтильникъ Божій*. Признакомъ недостаточной ясности здѣсь грекославянскаго перевода служить то, что по нему библейская рѣчи о свѣтильнике оказывается не законченна; выраженіе: *прежде неже угасе* даетъ право ожидать другаго свѣдѣнія о свѣтильнике, какого между тѣмъ не сообщаетъ повѣстователь, говорящій непосредственно затѣмъ о Самуилѣ, спавшемъ въ домѣ Господнемъ. При пониманіи слова „теремъ“ и здѣсь въ значеніи „еще не“ библейская рѣчь оказывается законченна и ясно: первый божественный призывъ Самуила послѣдовалъ въ раннєе утро, когда свѣтильникъ въ Скинѣ еще не погасъ и Самуилъ еще спалъ въ одномъ изъ зданій дома Божія. При усвоеніи слову: „теремъ“ значенія „еще не“

Разсмотримъныя мѣста библейского текста, въ которыхъ встрѣчается слово: «теремъ», показываютъ самымъ дѣломъ, что въ первоначальномъ библейскомъ текстѣ оно употреблялось—то въ значеніи «прежде», то въ значеніи «еще не». Въ какомъ изъ нихъ употребилъ это слово бытописатель въ Быт. II, 5, на основаніи только еврейской филологии трудно сказать съ увѣренностью. Въ этомъ отношеніи авторитетные гебраисты справедливо говорятъ¹⁾, что «едва ли возможно провести строго очерченную границу» между употребленіемъ еврейского слова «теремъ» въ томъ или другомъ изъ указанныхъ значеній. Неодинаковая передача этого слова въ различныхъ мѣстахъ ветхозавѣтнаго текста у различныхъ переводчиковъ служить подтвержденіемъ такого мнѣнія гебраистовъ.

При всемъ этомъ переводъ слова «теремъ» въ Быт. II, 5 словами: «еще не» принимается согласно большинствомъ современныхъ библейистовъ. Основаніемъ для этого служить, конечно, сходство построения евр. рѣчи въ Быт. II, 5, съ тѣми мѣстами ветхозавѣтнаго текста, въ которыхъ это слово несомнѣнно употреблено въ этомъ значеніи (см. выше слова Исх. IX, 30: «и ты и рабы твои... еще не убоитесь»; 1 Цар. III, 3: *сътильникъ Божій еще не погасъ*). Какъ въ этихъ мѣстахъ, такъ и въ Быт. II, 5, послѣ соединительной частицы (евр. «ве»=«и» или «а», «но»), слѣдуетъ здѣсь имя (: злакъ сельный) въ качествѣ подлежащаго, за нимъ еврейское «теремъ», а далѣе глаголь: «быть». Такое сходство въ построении еврейской рѣчи въ указанныхъ мѣстахъ даетъ основаніе усвоять и въ Быт. II, 5, слову «теремъ» значеніе «еще не» въ виду того особенно, что это слово съ значеніемъ «прежде» употребляется въ предложеніяхъ иного нѣсколько построенія, не заключающихъ въ своемъ составѣ подлежащаго, которое

получаютъ наиболѣе ясный и точный переводъ и слова египтянъ Фараону въ Исх. X, 7: „гаттеремъ теда“, переданныя въ russk. переводѣ Синод. изд.: *неужели ты еще не видишь, какъ и въ Вульгатѣ: nonne vides*. Грекославянскій переводъ ихъ: *ἢ εἰδένεις βούλεις = или видѣти хощети* не является точной передачей подлинника, такъ какъ въ немъ оставлено безъ передачи слово „теремъ“ и прибавлено „хощеши“, не находящееся въ еврейскомъ текстѣ.

¹⁾ Наприм., *Olshausen*, въ Lehrbuch der hebraischen Sprache § 224a; тоже слѣдуетъ и изъ разсужденія Эвальда о значеніи „теремъ“ въ различныхъ мѣстахъ Ветхозавѣтныхъ книгъ, изложеннаго въ его Ausf\u00fcrliches Lehrbuch der hebraischen Sprache § 337c.

подразумѣвается, какъ само по себѣ очевидное изъ хода рѣчи (см. приведенный выше мѣста: Исх. XII, 34: *прежде нежели вскисло*; Нав. III, 1: «*прежде чѣмъ пересили*»¹). Къ разряду этого рода мѣсть Быт. II, 5, принадлежать не можетъ, такъ какъ здѣсь по еврейскому тексту не подразумѣвается, а находится самымъ дѣломъ подлежащее: *и всякъ злакъ сельный*. На основаніи такого состава рѣчи въ Быт. II, 5, оказывается въ филологическомъ отношеніи всего болѣе сообразнымъ переводъ здѣсь еврейского «теремъ» словами: «еще не». Правильность этого перевода признана отчасти и нашими отечественными библейстами, какъ видно изъ приведенныхъ выше переводовъ въ Запискахъ на кн. Бытія и русскаго перевода синодальнаго изданія, въ которыхъ слово «теремъ» передано въ значеніи: «еще не», хотя для начальныхъ словъ 5-го ст.: *и всякий полевой кустарникъ* удержано грекославянское сочета-

¹⁾ Если въ Быт. II, 5, согласно съ грекославянскимъ переводомъ, слова: *и всякъ злакъ сельный* ставить въ неразрывную связь съ предшествующимъ имъ: *небо и землю* и принимать ихъ въ винит. падежѣ отъ гл. *создори*, то изъ слѣдующихъ затѣмъ словъ: („теремъ“=прѣтобъ тобъ *γενέσθαι*=) *прежде даже быти получится*, конечно, весьма краткое вводное предложеніе, не имѣющее подлежащаго, въ которомъ, на основаніи приведенныхъ примѣровъ, «теремъ» могло бы быть понимаемо въ значеніи „прежде чѣмъ“, но и образованное такимъ путемъ предложеніе все таки будетъ не однородно съ употребленными въ Исх. XII § 1 и Нав. III, 1; различие между ними состоить въ томъ, что въ *послѣднемъ* совершенно ясно безъ обозначенія, о чѣмъ говорится, т. *съмакое подразумѣвается* подлежащее при глаголахъ, а въ *Быт. II, 5, это* *оказывается* неяснымъ. Такъ какъ въ предшествующемъ *послѣднемъ* по грекославянскому переводу, сказано о созданіи *неба и земли* и *всякаго злака сельного*, то въ слѣдующемъ предложеніи *быть подлежащаго* должны бы подразумѣваться тѣ же предметы творческой *сущности*; но вопреки этому глаголъ (*γίγεσθαι*=быть) поставленъ въ *единственномъ* числѣ, изъ чего слѣдуетъ, что изъ трехъ названныхъ предметовъ разумѣется одинъ, но какой именно, изъ состава текста не видно. Это недумѣніе разрѣшается тѣмъ, что подразумѣвается послѣдний изъ названныхъ предметовъ, т. е. *злакъ сельный*, почему указывающее на него мѣстоименіе „который“ и вносится въ переводъ (см. вышеприведенный переводъ въ Запискахъ на кн. Бытія и русскій переводъ синод. изданія), но грамматическихъ основаній для того, чтобы подразумѣвать именно этотъ предметъ, въ составѣ библейской рѣчи не дано. Изъ этого видно, что грекославянское выраженіе въ Быт. II, 5: (*прѣтобъ тобъ γενέσθαι*=) *прежде даже быти* не однородно съ тѣми краткими выраженіями, въ которыхъ евр. „теремъ“ употреблено въ значеніи „прежде чѣмъ“, а съ устраненіемъ этого сходства утрачивается всякое основаніе для того, чтобы придавать ему это значеніе въ данномъ мѣстѣ кн. Бытія.

ніе, т. е., они приняты за дополненіе къ глаголу: *сотвори*, а не за подлежащее при глаголѣ: *еще не было*, какъ читается въ древнеславянскомъ переводе. Изъ существующихъ переводовъ кн. Бытія па рускій языке древнеславянскому переводу Быт. II, 5, вполнѣ соотвѣтствуютъ только переводы прот. Г. П. Павлакаго и Вѣнскаго изданія «для употребленія евреямъ».

Важнѣйшимъ же подтвержденіемъ правильности древнеславянскаго перевода и названихъ двухъ русскихъ переводовъ служить самое содержаніе разматриваемаго мѣста Бытописанія.

Смыслъ грекославянскаго перевода Быт. II, 4—5 ст., состоять, какъ было сказано, въ томъ, что въ нихъ бытописатель говоритъ о созданіи Господомъ Богомъ неба, земли, вся-
каго злака сельнаго и травы сельной, не произраставшихъ на первозданной землѣ. Хотя бытописатель, говоря объ этомъ, употребилъ здѣсь (разумѣется 2-ая половина 4-го ст.) глаголь «создалъ» (евр. «аса»), а не «с сотворилъ» (евр. «бара»), но онъ, безъ сомнѣнія, имѣлъ достаточно ясное представленіе о божественной творческой дѣятельности, какъ призвавшей къ бытію то, чего не существовало па землѣ до начала этой дѣятельности. При мысли объ этомъ не могутъ не возбуждать недоумѣнія слова его о злакѣ сельномъ и травѣ сельной, читаemые по грекославянскому переводу: *прежде даже быти на земли и прежде даже прозябнути*. Вѣдь, несуществование того и другого, во время предшествовавшее творенію, должно разумѣться само собою. Умолчать о несуществованіи на землѣ растеній прежде созданія ихъ было столь же естественно, какъ не говорить о небытии неба и земли прежде творенія. Въ глубоко-содержательномъ, выразительномъ, сильномъ, монументальномъ или лалидарномъ, какъ говорится, языке библейскаго бытописанія о твореніи, въ которомъ каждое слово, каждая частица имѣть свой смыслъ и значеніе, слова не необходимыя являются загадочными, непонятными по своему происхожденію. Недоумѣніе вызывается здѣсь и тѣмъ, что, говоря о созданіи неба и земли, бытописатель особо говоритъ, по грекославянскому переводу, о созданіи двухъ видовъ растительности. Что значитъ упоминаніе здѣсь о злакѣ сельномъ и травѣ сельной рядомъ съ небомъ и землею? Соизмѣримыя ли это величины? И почему изъ всѣхъ земныхъ тварей избраны именно названныя растенія? Предусматривая такого рода вопросы, авторъ «Записокъ на книгу Бытія» говоритъ, что они упомянуты «для примѣра», какъ «совершенно новыя па земли», явившіяся

«безъ содѣйствія дождя и рукъ человѣческихъ» (см. толкованіе къ Быт. II, 4—6). Это объясненіе не разрѣшаетъ однако недоумѣнія: и при немъ остается непонятнымъ и побужденіе къ приведенію «примѣра» послѣ сдѣланнаго уже бытописателемъ величественнаго изображенія многоразличныхъ тварей, призванныхъ къ бытію словомъ Творца безъ какого-либо содѣйствія, и—выборъ для примѣра двухъ видовъ растеній вместо другихъ земныхъ тварей, въ созданіи которыхъ съ большою разительностью открылись божественные свойства Сотворившаго все. Недоумѣніе, вызываемое словами бытописателя, по грекославянскому переводу, о созданіи нѣкоторыхъ растеній вмѣстѣ съ небомъ и землею, возрастаетъ еще болѣе при чтеніи дальнѣйшихъ словъ бытописанія: *не бо одожди Господъ Богъ на землю, и человѣкъ не бяше дѣлати ю*. Говоря это, бытописатель хочетъ, очевидно, указать причину несуществованія названныхъ имъ видовъ растеній. Здѣсь трудно понять уже то, какъ могло возникнуть такое намѣреніе у бытописателя, повѣствующаго о происхожденіи всего, существующаго въ мірѣ, отъ Бога чрезъ твореніе. Мысль о творческой волѣ, какъ единственной силѣ, призвавшей къ бытію все существующее, должна была погасить подобное намѣреніе въ самомъ зародышѣ. Такъ какъ все существующее получило свое бытіе отъ Бога чрезъ твореніе, то само собою разумѣется, что до начала творческой дѣятельности не существовало на землѣ растеній, какъ не существовало и самой земли. Вопреки этому, бытописатель, по грекославянскому переводу, счѣлъ нужнымъ указать особую причину небытия злака сельнаго и травы сельной прежде ихъ созданія. И въ чёмъ онъ указываетъ эту причину? Въ отсутствіи дождя и человѣческаго труда надѣлъ воздѣлывашемъ землї. Такое объясненіе мыслимо развѣ у современнаго натуралиста, пытающагося объяснять происхожденіе растительной жизни изъ взаимодѣйствія естественныхъ причинъ, но не у библейскаго бытописателя, повѣствующаго о происхожденіи міра отъ Бога. Очевидно, бытописатель, указывая на отсутствіе дождя и человѣческаго труда, имѣть въ виду объяснить не то, почему Господь создалъ злакъ сельный и траву сельную, а иное, именно—то, какъ увидимъ далѣе, почему отсутствовали эти растенія па первозданной землѣ послѣ того, какъ па ней существовали уже другіе виды растительности. Таковы недоумѣнія, вызываемыя грекославянскимъ переводомъ далиаго мѣста кн. Бытія.

Обратимся къ еврейскославянскому переводу того же мѣстакн. Бытія. Смыслъ его здѣсь состоить въ томъ, что въ то время исторіи творенія, которое имѣть въ виду бытописатель, «всякаго кустарника полеваго еще не было на землѣ и всякая трава полевая еще не расла». По этому переводу въ данномъ мѣстѣ библейского повѣствованія говорится не о созданіи названныхъ видовъ растительности, а о несуществованіи или не-пропизрастаніи ихъ въ это время. Разсмотрѣніе употребленныхъ здѣсь бытописателемъ названий для означенія растеній даетъ вполнѣ достаточное основаніе для того, чтобы признать неправильнымъ то мнѣніе, будто бытописатель изображалъ въ данномъ мѣстѣ библейского повѣствованія землю того времени лишенною всякой растительности ¹). Усвоять библейскому бытописателю такое представленіе несправедливо потому, что онъ здѣсь для означенія растительности употребилъ такія названія, которыя указываютъ на отсутствіе только нѣкоторыхъ ея видовъ. Когда бытописатель въ Быт. I, 11, изображаетъ твореніе растеній, то употребляеть для обозначенія ихъ три названія: «зелень» (евр. «дешэ»), «трава» («эсевъ»), раждающая сѣмя, и дерево («энъ»), плодовитое ²). Изъ этихъ трехъ названій въ Быт. II, 5, употреблено голько одно второе («трава») съ дополненіемъ его словомъ: «поле» (евр. «садэ»), а вмѣсто двухъ другихъ употреблено не встрѣчающееся въ Быт. 1-й гл. евр. слово «сiaхъ» вмѣстѣ съ тѣмъ же дополнительнымъ словомъ: «поле». «Сiaхъ», переведенное у 70-ти словомъ: (*χλωρον*)

⁴⁾ Такое понимание первой половины 5-го ст. высказывается главным образомъ у иностранныхъ библеистовъ критического направления но оно встречается также и у нѣкоторыхъ изъ нашихъ отечественныхъ библеистовъ, которые, наприм., признаютъ взванныя въ Быт. II, 5, разстенія „первымъ по времени произведеніемъ земли“. См. М. Херасковъ Руководство къ послѣдовательному чтенію Пятокнижія. 1879 г., стр. 34.

2) Въ грекославянскомъ переводѣ первыя два изъ этихъ названий (: „дешэ и эсевъ“) приняты за обозначеніе одного и того же вида растѣній и соединены вмѣстѣ: *βοτάνη χόρτος*=*былие травное*, т. е. трава луговая. Этаъ переводъ невполнѣ соответствуетъ употребленію этихъ словъ у библейскихъ писателей, которые въ другихъ мѣстахъ ветхозавѣтнаго текста употребляютъ ихъ отдельно одно отъ другого, согласно съ чѣмъ и у 70-ти они передаются въ этихъ мѣстахъ отдельными словами. Такъ, наприм., „дешэ“ употреблено отдельно во Втор. XXXII, 2 : *какъ мелкий дождь на зелень* („дешэ“), *какъ ливень на траву* („есевъ“); у 70-ти дешэ передано здѣсь словомъ: *χόρτος*, значащимъ: зелень; въ Слав. Б.: *траво-скотъ*; эсевъ у 70-ти переводится словомъ: *χόρτος*, зн. трава, сѣно; въ

злакъ, зелень, понимается обыкновенно гебраистами въ значеніи: «кустарниковое растеніе», что вообще соотвѣтствуетъ содержанию тѣхъ немногихъ мѣсть библейского текста, въ которыхъ оно употреблено¹). Понимаемое въ такомъ смыслѣ, это название растительности во всякомъ случаѣ имѣеть менѣе широкое значеніе, чѣмъ употребленное въ Быт. I, 11, 12, «дерево плодовитое»; сравнительно съ послѣднимъ оно служитъ обозначеніемъ одного вида древесной растительности, именно— кустарниковой. Выражаемое выборомъ этого еврейскаго слова («сіахъ») ограничение въ понятіи растительности, несущее ствовавшей на первозданной землѣ, бытописатель еще болѣе усиливаетъ, когда присоединяетъ къ обоимъ, употребленнымъ въ Быт. II, 5, названіямъ растеній слово: «поле». Между другими значениями («открытое, ровное мѣсто», земельное владѣніе и др.), это слово употребляется у библейскихъ писателей въ значеніи именно земли, обрабатываемой, засѣваемой хлѣбными растеніями. Въ этомъ смыслѣ, «поле» неоднократно употреблено и въ Пятикнижіи, наприм. Быт. XLVII, 20. 24: *продали египтяне каждый свое поле* («садегу»)... *на засѣваніе полей*²); Исх. XXII, 6: *если огонь выжжетъ копны или*

слав. Б. съно. Въ 4 Царствъ XIX, 26 : *какъ трава на полѣ* (евр. „*эсевытъ саде*“=χόρτος ἀγροῦ=трава селная) и *нѣжная зелень* (—„*виракъ дешэ*“=ψήλωρα βοτάνη=или злочно быліе) употреблены разными образомъ отдельно но оба эти названія, при этомъ „дешэ“ определено словомъ „нѣжный“. чѣмъ указывается, что подъ „дешэ“ разумѣется молодая, нѣжная зелень. Такую зелень, отличную отъ болѣе крупной, имѣющей сѣмена, и нужно разумѣть подъ „дешэ“ въ Быт. I, II. Такимъ образомъ здесь различаетъ бытоискуситель три вида растеній: зелень, траву, имѣющую сѣмена, и деревья. Такое различие принято и авторомъ „Записокъ на книгу Бытия“.

1) „Сіахъ“ употреблено еще въ Быт. XXI, 15, гдѣ говорится, что Агарь, заблудившись въ пустынѣ, положила своего сына подъ одниятъ изъ кустарниковъ (ахадъ гассихимъ—*μάτις ἡλάτης*=елю единую), затѣмъ— еще въ Іовъ XXX, 4 (: *ициллютъ...* подле кустовъ, въ слав. Б. обхождаху... въ дѣбрехъ) и—7 (ревутъ между кустами, въ слав. Б.=отъ среды доброласныхъ (70-тъ приняли здѣсь евр. „сихимъ“ во второмъ его значеніи: „рѣчъ“, „слово“, почему и перевели его здѣсь чрезъ єѡ[у]шю) возопиютъ. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ „сіахъ“ употреблено для означенія кустарниковъ, растущихъ въ пустынныхъ мѣстностяхъ. Какъ обозначеніе древовидныхъ растеній на воздѣланной землѣ, оно не встрѣчается въ другихъ мѣстахъ ветхозавѣтныхъ книгъ, кроме Быт. II, 5.

²⁾ Въ грекославян. переводѣ приведеннымъ словамъ соотвѣтствуютъ *продажа бо египтяне землю свою* (*τὴν γῆν αὐτῷ*)... въ спъмна земли (*εἰς σπέρμα τὴν γῆ*). Замѣння употребленное въ евр. текстѣ слово „поле“, сло-

поле (гассадэ)¹⁾ и друг. Это значение слова «поле» вполне применимо и къ Быт. II, 5; присоединениемъ его къ словамъ: «кустарникъ» и «трава» бытописатель хотѣлъ яснѣе опредѣлить тотъ видъ растеній, о несуществованиіи котораго онъ здѣсь говорить. Въ то время, когда жилъ библейскій бытописатель, изъ разнообразныхъ растеній, созданныхъ Богомъ, на поляхъ, какъ на воздѣланной трудомъ человѣка землѣ, произрастали только нѣкоторые виды кустарниковыхъ и хлѣбныхъ растеній. На отсутствіе этого вида растительности на первобытной землѣ въ тотъ день исторіи міротворенія, который имѣеть въ виду бытописатель, онъ и указываетъ, когда говорить: «и всякаго полеваго кустарника не было еще на землѣ и всякая трава полевая еще не росла», т. е., онъ указываетъ на отсутствіе въ это время на землѣ тѣхъ древесныхъ и хлѣбныхъ растеній, плодами которыхъ первоначально питался человѣкъ, пока не употреблять въ пищу животныхъ. При этомъ пониманіи названий растительности, употребленныхъ въ Быт. II, 5, становится вполнѣ возможнымъ объяснить надлежащимъ образомъ то, почему бытописатель вмѣсто прежнихъ названий, употребленныхъ въ 1-й гл., употребилъ здѣсь другія. Какъ «трава, рождающая сѣмя», такъ и «дерево плодовитое» служатъ обозначеніемъ гораздо большаго количества растеній и деревьевъ, чѣмъ «трава полевая» и «полевой кустарникъ»; подъ первыми разумѣются не только хлѣбныя или огородныя растенія и садовыя деревья, но и трава, служащая кормомъ для скота²⁾, и деревья лѣспныя, плоды которыхъ не служатъ обыкновенной пищей для человѣка. Устраивая этого рода растенія изъ понятія о той растительности, на несуществование которой указывается въ Быт. II, 5, бытописатель употребилъ, съ одной стороны, новое название («сіахъ») древовидной растительности, имѣюще болѣе тѣсный объемъ, чѣмъ употребленное въ Быт.

вомъ „земля“, грекославянскій переводъ не передаетъ той мысли бытописателя, что египтяне отдали фараону не иную какую либо землю, а именно ту, которую они воздѣльвали и засѣвали хлѣбными и другими растеніями.

¹⁾ Въ грекославянскомъ переводе слову „поле“ здѣсь соотвѣтствуетъ (*πεδίον=*) *нива*, что вполнѣ выражаетъ смыслъ подлинника.

²⁾ Слово „трава“ („эсевъ“) нерѣдко употребляется для означенія кормовой травы для скота съ дополненіемъ къ нему слова „земля“ (на прим., Исх. X, 12. 15 : *всю траву земную*), и—безъ всякихъ дополненій (Пс. CV [евр. CVI], 20: *телца ядущаго траву*).

1-й гл., а съ другой—избралъ дополнительное слово («поле») къ этому названію и другому, читаемому въ Быт. 1-й гл., посредствомъ котораго еще болѣе ограничивается и опредѣляется тотъ видъ растительности, какой разумѣеть бытописатель въ Быт. II, 5, т. е. указывается на отсутствіе на землѣ тѣхъ садовыхъ, хлѣбныхъ и огородныхъ растеній, которыя вырастаютъ на воздѣланной землѣ и плоды которыхъ составляли первоначальную пищу человѣка по волѣ Творца, выраженной въ Быт. I, 30.

Что такое пониманіе названий въ Быт. II, 5, кустарника полеваго и травы полевой не есть домыселъ повѣйшей экзегетики, а принадлежитъ самому библейскому бытописателю, это съ достаточностью даютъ понять другія мѣста Пятикнія. Такъ, когда бытописатель передаетъ божественный приговоръ надъ падшимъ Адамомъ, то для обозначенія того, чѣмъ онъ будетъ питаться, употребляетъ не иное, а тоже название: *трава полевая* (III, 18). Упоминаніе рядомъ съ этимъ названіемъ о *поть лица*, съ какимъ согрѣшившему человѣку будетъ доставаться *хлѣбъ*, служитъ яснымъ указаніемъ на тяжкій трудъ при воздѣльваніи поля, необходимомъ для произрастанія на немъ *травы полевой*, т. е., хлѣбныхъ растеній¹⁾. Съ совершишою же ясностью и несомнѣнностью особый смыслъ названія: *трава полевая* выступаетъ въ Исх. IX, 22. 25, при описаніи 7-й египетской казни. Здѣсь изображая страшный градъ, какимъ Господь поразилъ Египетъ, бытописатель употребилъ, по еврейскому тексту, то же выраженіе, какъ и въ Быт. II, 5 : («эсевъ гассадэ») *трава полевая*²⁾. Подъ ней несомнѣнно разумѣеть бытописатель не иная, а именно хлѣбные растенія, такъ какъ въ дальнѣйшемъ описаніи опустоши-

¹⁾ Въ „Запискахъ на книгу Бытія“ разумѣются однако подъ *травой сельной* въ Быт. III, 18, обыкновенные „травы, данныя безсловесныи“, причемъ дѣлается ссылка на Быт. I, 30; но эта ссылка не оправдываетъ такого пониманія, такъ какъ въ указанномъ мѣстѣ говорится не о травѣ сельной, а о *всякой травѣ зеленої* или, по буквальному переводу съ еврейскаго, о „всякой зелени травяной“.

²⁾ Это выраженіе въ Исх. IX, 22 грекославянскій переводъ передаетъ иными нѣсколько словами: *βοτάνη τὴν ἐπὶ τῆς γῆς=траву земную*, не придавая значения тому, что въ еврейскомъ подлинникѣ поставлено здѣсь слово: „поле“ („гассадэ“), а не „земля“. Въ ст. 25 неточность въ передачѣ этого слова устраниена, такъ какъ здѣсь вмѣсто „земную“ употреблено выраженіе: *τὴν ἐπὶ τῆς γῆς=яже на поле*, что по смыслу вполнѣ соотвѣтствуетъ слову: „поле“.

тельныхъ дѣйствій этого градобитія прямо названы *ленъ и ячмень, полба и пшеница* (ст. 31—32). Совершенная сознательность бытописателя въ выборѣ словъ для обозначенія различныхъ видовъ растительности видна еще изъ того, что при описаніи 8-ї египетской казни, какой служила посланная Богомъ въ необычайномъ количествѣ саранча, употреблено (Исх. X, 15) въ первой половинѣ стиха название: *трава земная* (одинаково въ еврейскомъ текстѣ и грекославян. переводе), а въ дальнѣйшихъ словахъ того же стиха, служащихъ изображеніемъ необычайшаго истребленія, произведенаго саранчею, употреблено то же слово «трава» съ дополненіемъ къ нему слова «поле», т. е., *трава полная* или *полевая* (одинаково по еврейскому тексту и грекослав. переводу). Конечно, не случайпо бытописатель употребилъ здѣсь два неодинаковыхъ дополненія къ слову «трава»: избирая въ первомъ мѣстѣ въ качествѣ дополненія слово «земля», онъ указывалъ на обыкновенную траву, растущую на первозданной землѣ и служащую кормомъ для скота, а употребляя вмѣсто этого слова: «поле», онъ имѣлъ въ виду иного рода растительность, которая проявляла на египетскихъ поляхъ, т. е. хлѣбныя растенія, оставшіяся въ цѣлости послѣ града, какъ па это указано въ Исх. IX, 32: *пшеница же и жито не побиты: поздни бо баху.*

Изъ приведенныхъ мѣсть книгъ Бытія и Исходъ слѣдуетьъ полною, думаемъ, убѣдительностью, что въ Быт. II, 5, бытописатель не безъ особой цѣли употребилъ название: «кустарникъ» и присединилъ къ этому названію, а также и къ слову: «трава» слово: «поле»: тѣмъ и другимъ онъ хотѣлъ яснѣе указать тотъ видъ растительности, о непроизрастаніи котораго онъ здѣсь говорить¹⁾.

Это непроизрастаніе требовало однако объясненія. Такъ какъ и травы, выращающія сѣмя, и деревья, приносящія плоды, были уже созданы Богомъ по Быт. I, 11—12, то въ виду этого отсутствіе на первозданной землѣ полевыхъ зла-

¹⁾ Нужно однако замѣтить, что выраженіе: «трава полевая» не было у ветхозавѣтныхъ писателей прочно установленнымъ или техническимъ терминомъ для обозначенія хлѣбныхъ растеній, какъ это видно изъ Второз. XI, 15, гдѣ названа *трава на полѣ*, въ славян. Б. *птица на селухѣ*, какъ даваемая скоту. Тоже видно — въ другомъ отношеніи — изъ Пс. СIII (евр. CIV), 14, гдѣ *зланъ* (евр. „эсевъ“ = «трава» или «зелень»), безъ всякаго дополненія, служить обозначеніемъ хлѣбныхъ растеній: *зланъ на службу человѣкомъ*.

ковъ и кустарниковъ не могло не возбуждать недоумѣнія. Это недоумѣніе и устраняетъ бытописатель, когда говоритъ непосредственно затѣмъ, что *Господь не посыпалъ дождя на землю и не было человѣка для воздѣльванія земли*, т. е., не было въ то время благопріятныхъ условій для произрастанія тѣхъ растеній, которыхъ стоять въ ближайшемъ отношеніи къ человѣку. А то самое, что бытописатель говоритъ здѣсь о несуществованіи на первобытной землѣ только этого рода растительности, даетъ съ своей стороны основаніе полагать, что другіе роды и виды растеній, не требовавши особыхъ условій для своего произрастанія, существовали уже въ это время на землѣ.

Такое же представление о первозданной землѣ, какъ имѣвшей уже, кроме двухъ названныхъ видовъ, разнородную растительность въ то время, которое разумѣется въ Быт. II, 4—6, видно изъ другой, сообщаемой здѣсь подробности, состоящей въ томъ, что «паръ» ¹⁾ *поднимался съ земли и орошалъ все лице земли.* Эти слова какъ будто памѣренно направлены бытописателемъ противъ приписываемаго ему пѣкоторыми ²⁾ представлія о первозданной землѣ, какъ о совершенно сухой пустынѣ, не имѣвшей растительности. Это представление библейскій повѣствователь совершиенно устраиваетъ, когда указываетъ на иной, кроме дождя, источникъ влаги для первозданной земли, какимъ именно служилъ поднимавшійся съ земли паръ, увлажнявшій, подобно ростѣ, земную поверхность. Если читающему начальные стихи Быт. 2-й главы не предполится представление о растительности, покрывавшей, кроме особо названныхъ растеній, землю, то сказанное о *парѣ, поднимавшемся съ земли*, является неяснымъ относительно своего

¹⁾ Соответствующее этому слову еврейское „эдъ“ въ греко-славянскомъ переводе передано словомъ: πηγή = *источникъ*, а въ Іовъ XXXVI, 27, гдѣ оно еще только употреблено, переведено чрезъ νεφέλη = „облако“, изъ чего видна неустойчивость греческихъ переводчиковъ въ передачѣ значенія этого еврейского слова. Іудейские ученые и христіанскіе гебраисты понимаютъ его обыкновенно въ значеніи: „паръ“, „туманъ“, каковое значеніе у насъ принято М. Филаретомъ въ Запискахъ на кн. Бытія и прот. Г. П. Павскимъ.

²⁾ Такое именно представление высказывается обыкновенно у библействъ критического направления, наприм., у Wellhausen'a въ Prolegomena zur Geschichte Israels, zw. Ausgabe, стр. 315 и дал., у Dillmann'a въ Kurzgefasstes Exegetisches Handbuch zum Alten Testament. Elste Lief. Die Genesis. Sechste Auflage, стр. 52.

значенія и цѣли, съ какою внесено это указаніе въ библейскій текстъ, какъ это видно изъ того, что одни принимали эти слова «въ отрицательномъ смыслѣ» ¹⁾, т. е., въ томъ, что «паръ не восходилъ съ земли», а другіе, держась обычнаго перевода, подъ восходящимъ паромъ разумѣютъ «хаотическую жидкость», которая подготовляла почву земли къ произведенію растеній ²⁾. Первое изъ этихъ пониманій не можетъ быть признано обоснованнымъ потому, что составъ еврейской рѣчи дашнаго мѣста (Быт. II, 6) не требуетъ привнесенія частицы «не» изъ предшествующаго стиха ³⁾, почему въ древнихъ и

1) См. въ „Записк. на книгу Бытія“ объясненіе къ дан. мѣсту. Основаніе для этого указано здѣсь то, что въ Пс. IX, 19, во второй половинѣ стиха, частица „не“, не читаемая въ евр. текстѣ, привносится изъ первой его половины „по необходимости“, т. е., для того, чтобы получился смыслъ, соотвѣтствующій предшествующимъ словамъ: *не до конца забвена будетъ ницій*, почему и переводится: *мертвіе или надежда убогихъ не погибнетъ*. Такое опущеніе частицы „не“ встрѣчается въ библейской, особенно стихотворной, рѣчи, въ тѣхъ мѣстахъ, где рядомъ стоять два отрицательныхъ предложения, тѣсно связанныхъ между собою единствомъ содержанія, каковая связь выражается, хотя не всегда, непосредственно особаго союза: „и“, называемаго „*аввъ послѣдованія*“. Въ такихъ предложеніяхъ, составляющихъ обыкновенно одинъ стихъ, частица „не“ становится только въ первомъ изъ нихъ, а во второмъ—опускается; при переводе же еврейскаго текста на другой языкъ это опущенное „не“ нужно вводить въ составъ рѣчи для того, чтобы получился надлежащій смыслъ. Такой оборотъ рѣчи употребленъ еще, наприм., въ 1 Цар. II, 3: *не хватитеся... ниже да изыдетъ* (въ евр. т. только *изыдетъ*); Ис. XXIII, 4: *не болѣхъ... ниже вознесохъ* (въ евр. *ниже* отсутствуетъ) и др. Въ приведенныхъ мѣстахъ это подразумѣваемое „не“ внесено въ греческій переводъ 70-ти, а въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, имѣющихъ такое же построение еврейской рѣчи, не внесено, наприм., въ Числ. XVI, 14: *εἰσήγαγες = ввелъ еси вмѣсто: „не ввелъ“... ἐδώκας = далъ еси вм.* „не далъ“; или въ Пс. XLII (евр. XLIV), 19: *не отстуши... καὶ ἐξέκλιψας = и уклонилъ еси*, безъ привнесенія отрицательной частицы, вслѣдствіе чего второе предложеніе является не согласующимся съ смысломъ первого предложенія: *не отступи вспять сердце наше и уклонилъ еси стези наша отъ пути Твоего* (вмѣсто: „не уклонилъ еси...“).

²⁾ A. Dillmann въ Kurzgefas. Exegetische Handbuch z. Alt. Testamente. Die Genesis. VI Auflage. 52.

3) Хотя слова 6-го ст. следуют за двумя предложеніями съ частицей „не“, но это не служить основаніемъ для того, чтобы переносить послѣднюю и въ эти слова, т. е., чтобы переводить: „и парь не восходилъ съ земли...“,—не служить потому, что эти слова не связаны неразрывно съ предшествующими имъ, почему соединены съ ними не черезъ „вавъ послѣдованія“, а чрезъ простое соединительное „ве“ = „и“; они

новыхъ переводахъ оно обыкновенно переводится въ положительномъ смыслѣ, безъ частицы «не»¹). Второе объясненіе могло бы имѣть значеніе, если бы вслѣдъ за словами: *паръ поднимался съ земли...* говорилось о происхожденіи растеній, для которыхъ, по этому объясненію, паръ приготавлялъ почву; но на самомъ дѣлѣ говорится не объ этомъ, а о созданіи человѣка и насажденіи рая въ Едемѣ; для того и другаго не было, конечно, нужды въ орошеніи посредствомъ пара *всей* поверхности земли; очевидно, это орошеніе нужно было не для насажденія райскихъ деревьевъ въ одной изъ мѣстностей земной поверхности, а для растеній; произраставшихъ на всей землѣ, которая бытописатель представлялъ, очевидно, существующими на ней въ это время, а не имѣющими только произойти. Явное несоответствіе съ библейскимъ текстомъ того и другаго объясненій, исходящихъ изъ представлениія объ отсутствіи на землѣ всякой растительности, должно приводить къ тому заключенію, что библейскій бытописатель, внося въ повѣствованіе о твореніи міра слова 6-го ст., имѣлъ въ виду тѣ растенія, о созданіи которыхъ онъ сказалъ въ первой главѣ и которыя, при отсутствіи дождя, нуждались для своего прозябанія во влагѣ, на источникъ которой онъ поэтому и указалъ.

При усвоеніі названіямъ, употребленыимъ въ Быт. II, 5, болѣе тѣснаго, ограниченаго смысла, становится понятнымъ и то, что библейскій бытописатель ввелъ здѣсь въ свое по-вѣщование такую незначительную, повидимому, подробность, каково—отсутствіе на первозданной землѣ нѣкоторыхъ дре-весныхъ и травяныхъ растеній. Упоминаніе объ этомъ было необходимо именно для того, чтобы сдѣлать возможно болѣе

составляютъ два отдельныхъ предложения, образующихъ особый стихъ; поэтому у гебраистовъ Быт. II, 6, не причисляется къ разряду мѣсть, въ которыхъ по-еврейски подразумѣвается, а при переводаѣ привносится частица „не“. См., наприм., *H. Ewald. Austihrliches Lehrbuch d. Hebraischen Sprache.* § 351a.

¹⁾ Без „не“ начальные слова 6-го ст. переведены, кроме 70-ти, въ сирскомъ Пешито (*et fons emergebat e terra et irrigabat...*), у Акилы (*καὶ ἐπέβλουσθε ἀνέῳ οὐ τῆς γῆς καὶ ἐπότισε...*), у блаж. Иеронима (*Sed fons ascendebat e terra, irrigans...*). Изъ восточныхъ переводовъ частица „не“ читается въ арабскомъ (*Nec exhalatio ascendebat ex ea, ut irrigaret...*). Въ новыхъ европейскихъ перев. „не“ обыкновенно отсутствуетъ, наприм., въ Англійской Библіи, гдѣ переведено: „но туманъ (mist) поднимался съ земли и орошаль...“

понятнымъ дальнѣйшее творческое дѣйствіе, состоявшее въ насажденіи особаго сада въ Едемѣ. Такъ какъ къ тому времени, когда, по божественному намѣренію, имѣть быть сотворенъ человѣкъ, не произрастали еще на землѣ растенія, плоды которыхъ должны первоначально служить лучшими для него пищею, то вслѣдствіе этого требовалось особенное божественное попеченіе о средствахъ къ поддержанию его тѣлесной жизни; иначе положеніе его не только не соотвѣтствовало бы его высокому назначенію и положенію между земными тварями, но было бы и крайне труднымъ: онъ долженъ былъ бы съ первого же момента своего появленія на свѣтѣ начать свое странствованіе по землѣ для того, чтобы искать себѣ пищу на дико растущихъ травахъ и деревьяхъ, и все-таки не находить бы такихъ плодовъ, которые даютъ растенія, выросшія на воздѣланной землѣ, пользующейся уходомъ человѣка. Если на первозданной землѣ не росли полевые кустарники и полевые злаки, то положеніе первозданной человѣческой четы не могло отличаться отъ положенія дикаря или человѣка, очутившагося вслѣдствіе какихъ-либо обстоятельствъ на пустынномъ островѣ, на которомъ ростутъ только дикия травы и деревья¹⁾). Чтобы человѣкъ не оказался въ такомъ положеніи, Господь особымъ творческимъ Своимъ дѣйствіемъ произрастилъ тѣ растенія, которыя въ силу естественныхъ условій земной производительности не произрастали въ то время на землѣ или только въ мѣстности Едема, какъ предполагаютъ, безъ достаточнаго, впрочемъ, основанія, нѣкоторые изъ западно-христіанскихъ библействъ вѣроятнаго направленія²⁾), именно: *Господь Богъ произрастилъ изъ земли всякое*

¹⁾ Въ общемъ не отличное отъ этого представлениѳ о состояніи растительности на первозданной землѣ предъ созданиемъ человѣка высказано проф. Я. А. Богословскимъ, по словамъ которого „наибольшая часть суши была, можно думать, покрыта какими-нибудь древовидными папоротниками и лѣсколькими другими видами простѣйшей растительной организаціи, удовлетворявшими потребностямъ собственно животныхъ“. Православный Собесѣдникъ. 1904 г. Ч. I, стр. 3.

²⁾ Speaker Bible. Genesis. 39. Keerl. Die Einheit der Biblischen Urgeschichte. 59. Основаніемъ для приведенного мнѣнія служитъ то, что название: „поле“ въ Быт. II, 5, понимается въ частности, какъ обозначеніе области Едема, где находился первозданный рай. Но Едемъ въ Библии не называется „полемъ“. Употребленіе слова „поле“ въ Быт. II, 5, для обозначенія растеній, съ большую вѣроятностью объясняется тѣмъ, что это слово заимствовано изъ позднѣйшаго времени, когда оно стало обо-

дерево, пріятное на видъ и хорошее для пищи, и дерево жизни посреди рая и дерево познанія добра и зла¹⁾.

Таковъ, по крайнему нашему разумѣнію, смыслъ Быт. II, 5, по древнеславянскому переводу, согласующему съ еврейскимъ текстомъ¹⁾.

Сравненіе греко-славянского и еврейско-славянского переводовъ даннаго мѣста кн. Бытія показываетъ такимъ образомъ, что даваемый тѣмъ и другимъ изъ нихъ этому мѣсту смыслъ носить нѣкоторыя черты различія. По первому переводу здѣсь говорится то, что Господь создалъ злакъ сельный и траву сельную, какъ непроизраставшія еще на землѣ, и что это творческое дѣйствіе вызвало было отсутствіемъ дождя на землѣ и человѣческаго труда падъ ея воздѣлываніемъ. Такое

значить землю, на которой росли известнаго рода растенія. Для обозначенія послѣдніхъ бытописатель не имѣлъ, конечно, особаго термина въ родѣ существующихъ въ настоящее время („садовая деревня, хлѣбная растенія“) и воспользовался словомъ: „поле“.

¹⁾ Подтвержденіемъ того, что древніе іудейскіе писатели насажденіе рапа ставили въ такую же связь съ непроизрастаніемъ на землѣ полевыхъ растений и деревьевъ, могла бы служить 3-я кн. Ездры, въ которой по славянскому и русскому переводамъ сказано: *И ввелъ еси въ рай, егоже насади венецница Твоя, прежде неже прозябѣ земля или... прежде нежели земля произрастила плоды* (III, 6). Но такой переводъ послѣдняго изъ приведенныхъ выражений не оказывается соотвѣтствующимъ значенію рѣченій, употребленныхъ въ первоначальномъ текстѣ. Въ Вульгатѣ, съ которой сдѣланъ славянскій и русскій переводы этой не канонической книги, читается это мѣсто такъ: *Et induxisti eum in paradiso, quem plantaverat dextra tua, antequam terra adventaret* (*Vallon. Polyglotta; Fabricii codices pseudepigraphi Veteris Testamenti. t. 11*). Гл. Aduento, переведенный въ значеніи: „прозябать, произрастиль“ значитъ собственно: „подходить, приближаться“. Въ настоящее время подлинникомъ, на которомъ написана 3-я кн. Ездры, признается не латинскій, а греческій текстъ, по которому приводили ее церковные писатели. По греческому тексту приведенное мѣсто оканчивается такими словами: *πριν τὴν γῆν παραγενέσθαι* (E. Kautsch. Die Apokryphen und Pseudopigraphen des Alten Testaments. Zweiter. Band), что значитъ: „прежде чѣмъ земля явилась“. При такомъ переводѣ, служащемъ наиболѣе точной передачей греческаго и латинскаго текстовъ, въ данномъ мѣстѣ выражено, нужно думать, то позднѣйшее іудейское представлѣніе, что рай насажденъ „въ началѣ“ (такъ толковали талмудисты употребленное въ Быт. II, 8, евр. слово: „миккадемъ“, переводимое обыкновенно: „на востокѣ“), прежде чѣмъ создана была земля, причемъ разумѣется, конечно, рай небесный (*Schenkel. Bibellexicon. B. IV, 378*).

содержание библейского текста, какъ показываетъ его разсмотрѣніе, возбуждаетъ существенныя недоумѣнія, не поддающіяся разрѣшенію. Чуждымъ такихъ недоумѣній является данное мѣсто библейского повѣствованія во второмъ изъ названныхъ переводовъ, по которому здѣсь говорится не о соображеніи растеній, а о непроизрастаніи иѣкоторыхъ ихъ видовъ и причинахъ этого непроизрастанія. Выражаемое этимъ переводомъ сочетаніе представлений о состояніи первозданной земли отличается ясностью и выразительностью; по этому переводу каждое слово бытописанія имѣть свой опредѣленный смыслъ и значеніе и само по себѣ и въ связи съ предыдущимъ и послѣдующимъ; вслѣдствіе чего библейскій текстъ этого мѣста, при своей краткости, является по этому переводу глубокосодержательнымъ.

Древнеславянскій переводъ, дающій библейскому тексту Быт. II, 5, такое сообразное выраженіе, несомнѣнно имѣть высокое достоинство, сознаніе котораго невольно вызываетъ сожалѣніе о томъ, что онъ не сохранилъ прежняго своего мѣста въ нашей Библіи.

Антикритическое значеніе еврейскославянскаго перевода Быт. II, 5.

Къ сказанному о достоинствѣ древнеславянскаго перевода Быт. II, 5, считаемъ не лишнимъ присоединить замѣчаніе о значеніи этого перевода при оцѣнкѣ взглядовъ отрицательной критики на содержаніе этой главы и на отношеніе ея къ Быт. 1-й гл.

Относительно этого обычнаго взгляда библейстовъ критического направленія состоять, какъ извѣстно, въ томъ, что Быт. 2-ая гл. представляетъ особое, отличное отъ соображенія въ Быт. 1-й гл., сказаніе о твореніи, принадлежащее иному писателю, писавшему позднѣе писателя I-й главы, какъ думали прежніе критики, или ранѣе, какъ утверждаютъ современные. По мнѣнію тѣхъ и другихъ 5-й стихъ 2-й главы представляютъ неполное изображеніе первоначального состоянія земли предъ появлениемъ на ней растеній. По Быт. I, 9, говорить о птицахъ, земля освобождается отъ покрывавшей ее воды въ началѣ того дня, въ концѣ котораго она покрывается растеніями, следовательно поверхность ея въ это время была влажна. Между тѣмъ во 2-й главѣ, 5-й ст., эта поверхность изображена въ видѣ сухой, неорошаемой дождемъ, пустыни, только приготовившейся посредствомъ поднимавшагося съ

ней пары къ произведенію растеній. Проводя эту взглядъ на содержаніе 5-го ст. 2-й главы, критика встрѣчаетъ однако немаловажное затрудненіе въ дѣлѣ обоснованія его, состоящее въ томъ, что ни въ этомъ стихѣ, ни въ послѣдующихъ за нимъ библейское повѣствованіе по еврейскому тексту, которымъ пользуются ея сторонники, не говорить о твореніи растеній¹). Не имѣя возможности отрицать этотъ проблѣлъ въ библейскомъ повѣствованіи, сторонники библейской критики стараются, конечно, по возможности ослабить неблагопріятное значеніе его для проводимаго ими взгляда посредствомъ того предположенія, что пропускъ сказанія о происхожденіи растеній не первоначальный во 2-й главѣ, что онъ сдѣланъ позднѣйшимъ редакторомъ Платонії, который выпустилъ это сказаніе изъ залиса, имѣвшейся у него при этомъ, или потому, что находившееся въ послѣдней сказаніе объ этомъ представлялось ему излишнимъ послѣ того, что сказано о твореніи растеній въ 1-главѣ, или потому, что это не гармонировало съ послѣдней²). Такимъ объясненіемъ не всякий однако можетъ удовлетвориться. Та мысль, что въ библейскомъ повѣствованіи, выдаваемомъ за особое сказаніе о твореніи земли, не достаетъ именно того, что должно было бы находиться при такомъ взглядаѣ, совершенно ясно говорить о несоответствіи этого взгляда съ содержаніемъ библейского повѣствованія: если въ немъ не сказано о твореніи растеній, то въ томъ, что сказано въ 5—6 ст. о состояніи земли, нельзя поэтому видѣть особое изображеніе земли предъ появлениемъ на ней растеній, то есть, нельзя признать взглядъ критики на Бытія 2-ю главу сколько ппбудь вѣроятнымъ, такъ какъ онъ не согласуется съ ея содержаніемъ въ настоящемъ ея составѣ.

Но что критика, вопреки своему ожиданію, къ явному

¹) Сказавши о томъ, что по Быт. II, 6, земля „твердая, какъ ядро“ приготовлялась посредствомъ пара, представляемаго въ видѣ „хаотической жидкости“ къ произведенію растеній, одинъ изъ авторитетныхъ немецкихъ представителей библейской критики продолжаетъ: „можно бы ожидать именно того, что предъ 7-мъ стихомъ или послѣ него будетъ изложено возникновеніе растительного мира и вообще окончаніе мірообразованія. Но ничего такого не находится“ (A. Dillmann. Die Genesis. VI Auflage, стр. 52—53). О неполнотѣ содержащагося въ Быт. 2-й главѣ сказанія о твореніи говорить и Wellhausen въ Prolegomena zur Geschichte Israels. zweite Ausgabe, стр. 315.

²) A. Dillmann. Тамъ же, стр. 53.

подрыву своего взгляда, не паходить въ данномъ мѣстѣ кн. Бытія по еврейскому тексту, то даетъ грекославянскій его перевѣдь. По нему въ Быт. II, 5, говорится то, что такъ нужно критикѣ для восполненія пробѣла,—говорится именно о *созданіи* всякаго злака сельнаго, котораго не было еще на землѣ, и всякой травы сельной, которая еще не произрастала. Основанныя на этомъ перевѣдѣ и согласныя съ нимъ объясненія этого мѣста выражаютъ то пониманіе, что въ немъ говорится вообще о «твореніи растеній»¹⁾. Критика не пользуется, конечно, греческимъ переводомъ даннаго мѣста при проведенія своего взгляда, но и безъ ея ссылокъ понятно совпаденіе смысла этого перевода съ взглядомъ критики. Понятно само собою и то, какое неблагопріятное дѣйствіе производить это совпаденіе на того, кто пользуется грекославянскимъ переводомъ. Если отсутствіе въ Быт. II-й гл. сказанія о твореніи растеній подрываетъ довѣріе къ взглядамъ критики, то существованіе этого сказанія по грекославянскому переводу можетъ приводить въ смущеніе непредрасположеннаго въ пользу выводовъ критики. Совпаденіе касается здѣсь, конечно, частнаго пункта и относится къ области толкованія библейскаго текста, не затрагивая основныхъ вопросовъ библейскаго міровоззрѣнія; но и при сознаніи этого недоумѣніе, вызываемое совпаденіемъ, остается и требуетъ разрѣшенія. Это разрѣшеніе и даетъ еврейско-славянскій переводъ 5-го ст., по которому говорится въ немъ не о твореніи растеній на землѣ, а объ отсутствіи нѣкоторыхъ ихъ видовъ. По этому переводу указанный пробѣлъ въ новѣствованії Быт. 2-й главы остается незаполненнымъ, а вмѣстѣ съ нимъ остается открытою и одна изъ слабыхъ сторонъ критическихъ взглядовъ на эту главу и на отношеніе ея къ 1-й главѣ.

Древнеславянскій переводъ Исх. I, 7 и III, 4.

Ознакомленіе со списками древнеславянскаго перевода книги Исходъ даетъ также замѣтить, что пѣкоторыя мѣста въ ней первоначально были переведены на славянскій языкъ подъ замѣтнымъ влияніемъ еврейскаго текста. Таковы, напр., конечные слова 7-го ст. I-й главы. Въ нынѣшней славянской Біблії они читаются: *умножи же ихъ земля*, согласно съ греческимъ переводомъ 70-ти: ἐπλήθυσεν δὲ ἡ γῆ αὐτούς. Этотъ переводъ не изначальный на славянскомъ языкѣ. Въ древнѣшемъ, извѣстномъ доселѣ памятнику XII в., сохранившемъ переводъ этого мѣста, именно въ Паримѣйнике Григоровича, это мѣсто читается такъ: *умножижеся земѣ*¹⁾; сходно съ этимъ читается и въ Гениадіевской Бібліи 1499 года: «умножижеся земля ихъ». Въ списѣ Румянцевскаго музея № XXVII, XV вѣка, то же мѣсто читается: «и умножилъ земля отъ нихъ»; также читается въ сп. Кирилло-Бѣлозерской бібліотеки (С.-Петерб. Академіи), № 38-й; сходный съ этимъ переводъ находится и въ сп. Румянцевскаго музея, № XXVIII-й, XVI в.: «умножижеся земля отъ нихъ ихъ». Этотъ переводъ нельзя, конечно, признать за точную передачу греческаго текста вслѣдствіе измѣненія дѣйствительной формы, въ какой употребленъ глаголь «умножить» у 70-ти, въ страдательную, съ каковымъ измѣненіемъ соединено измѣненіе въ грамматическомъ положеніи и другихъ членовъ предложения. Страдательная форма, въ какой древнеславянскій переводчикъ поставилъ здѣсь глаголь «умножить», находится именно въ еврейскомъ текстѣ и въ сѣдующихъ ему другихъ древнихъ переводахъ. Въ еврейскомъ текстѣ приведеннымъ словамъ греческаго перевода соответствуетъ: «и наполнилась эта земля

¹⁾ Этотъ древнеславянскій переводъ и приводимые далѣе — почертнуты изъ самихъ списковъ, хранящихся въ рукописяхъ.

ими»¹⁾. Побужденіе, по которому древній славянскій переводчикъ уклонился въ даниомъ мѣстѣ отъ точной передачи греческаго перевода на славянскій языкъ, могло заключаться въ томъ, что выражаемое имъ представление объ египетской землѣ, какъ именно умножившей потомство Іакова²⁾, не дано въ еврейскомъ текстѣ, а привнесено въ текстъ Библіи греческими переводчиками подъ вліяніемъ, пожалуй думать, извѣстной греко-римскимъ писателямъ и древнимъ юдейскимъ толкователямъ особенной плодовитости египтянокъ и евреянокъ, жившихъ въ Египтѣ³⁾). Древній славянскій переводчикъ, оставаясь вѣрнымъ

¹⁾ Такъ переведено это мѣсто въ Сирскомъ Пешитѣ, въ латинской передачѣ: *et impleta est ipsis terra.* — у Онкелоса: *et impleta est terra ex iis* (по Полиглоттѣ Вальтона), — у Акилы, Симмаха и Феодотіона: *καὶ ἐπληρῶθη ἡ γῆ αὐτῶν* (по Field. Origenis Hexaplogram quae supersunt).

²⁾ Въ такомъ смыслѣ понято выраженіе греко-славянскаго перевода: *умножи же ихъ земля отечественнымъ толкователемъ* кн. Исходъ: по его словамъ, „LXX и напѣ славянскій переводъ въ этомъ мѣстѣ выражаютъ какъ бы ту мысль, что самая земля египетская, по свойству своему, способствовала умноженію евреевъ“ (Православный Собесѣдникъ. 1867 г.. ч. I, стр. 16). Соответствуетъ ли эта мысль, выражаемая тѣмъ и другимъ переводомъ, библейскому повѣствованію, авторъ этого „опыта изясненія“ не говоритъ; вмѣсто этого онъ приводитъ еврейскій текстъ, по смыслу которого говорится въ данномъ мѣстѣ о наполненіи евреями данной имъ египетской области. Таковъ обычный у насъ приемъ при объясненіи тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ встрѣчается несходство между греко-славянскимъ переводомъ и еврейскимъ текстомъ: усиленія отечественныхъ толкователей при этомъ не идутъ бодьшею частью даютъ указанія разностей между текстомъ и переводомъ, выборъ между которыми предоставляетъ самому читателю, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ ближайшая задача толкованія относительно подобныхъ мѣстъ библейскаго текста должна бы состоять именно въ посильномъ разясненіи того, еврейскому ли тексту или греческому переводу 70-ти и въ извѣстномъ мѣстѣ слѣдуетъ отдавать предпочтеніе. Въ этомъ отношеніи въ конечныхъ словахъ Исх. I, 7, еврейскій текстъ имѣеть преимущество предъ переводомъ 70-ти потому, что изображаемое здѣсь сильное увеличеніе потомства Іакова, безъ указанія на содѣйствіе этому египетской земли, всего болѣе соответствуетъ божественнымъ обѣтованиямъ (напр. Быт. XLVI. 3; *не убойся ильти во Египтѣ: въ языке бо велий сотворю тя тамо*), въ которыхъ это умноженіе предозвѣщается, какъ дѣло особенной божественной милости. Привнесенное переводомъ 70-ти представление объ египетской землѣ, какъ умножившей потомство Іакова, если не устраняетъ, то затѣняетъ мысль объ этомъ умноженіи, какъ особомъ дѣлѣ милости Божией.

³⁾ Свѣдѣнія греко-римскихъ писателей и юдейское толкованіе отно-

библейскому тексту, не пашель возможнымъ перенести въ него это представление 70-ти, а потому отступилъ отъ ихъ перевода, и обратился къ еврейскому тексту, согласно съ которымъ избралъ страдательную форму глагола, оставилъ при этомъ употребленный у 70-ти глаголь «умножить» безъ замѣны его другимъ: «наполнить». Этотъ первоначальный славянскій переводъ: «умножижеся земля», по нѣкоторымъ изъ списковъ — съ дополненіемъ: «ихъ» или «отъ нихъ», не представляетъ однако точной передачи ни греческаго, ни еврейскаго текста: отъ первого онъ отличается формой рѣчи, отъ еврейскаго словомъ: «умножать» вмѣсто «наполнять». Естественно, что онъ не всѣхъ удовлетворялъ. Всѣдѣствіе этого, вѣроятно, одни изъ справниковъ восполняли этотъ переводъ словами, заимствованными, вѣроятно, изъ Вульгаты, въ которой разматриваемые слова переведены: (*impleverunt terram=*) «наполнили землю», какъ читается въ сп. Пятокнижія Моисеева, находящемся въ библиотекѣ Троице-Сергиевой Лавры, № 1-й (прежний № 2013-й), XIV в., въ которомъ читается: «и умножижеся земля и наполниша землю». Другое, понимая то, что это двойной переводъ, въ которомъ одно выраженіе текста передано двумя подобозначающими словами, стремились освободить этотъ переводъ отъ двойственности и при этомъ, дѣлая выборъ между двумя приведенными выраженіями, отдали предпочтеніе переводу: «и наполниша землю», устранивъ слова: «и умножижеся земля», какъ это представляютъ списокъ славянскаго перевода Библейскихъ книгъ изъ собрація Ундовского, № 1-й, XV в. Наконецъ иные изъ древнихъ справниковъ вмѣсто всѣхъ вышеупомянутыхъ переводовъ сдѣлали новый переводъ съ еврейскаго: «напльнижеся земля отъ нихъ», какъ показываютъ списки: Севастьяновскій, № 1-й (прежний 1431), XV в., и — Румянцевскаго музея № XXIX-й, 1537 года. Таковы, сколько намъ доселѣ позѣстно, разнообразныя измѣненія, какія испытывались въ теченіе первыхъ шести вѣковъ переводъ конечныхъ словъ 7-го ст. Исходъ I-й гл. на славянскій языкъ. При разсмотрѣніи этихъ измѣненій не можетъ не остановить па себѣ вниманія то явленіе, что ни первоначальный славянскій переводчикъ, ни продолжатели его труда, списки которыхъ указаны

сительно плодовитости египтянокъ и евреянокъ приведено, между прочимъ, въ соч. Ф. Елеопскаго „Исторія израильскаго народа въ Египтѣ...“ стр. 151.

выше, не сдѣлали въ теченіе этого времени дословнаго перевода даннаго мѣста съ греческаго текста 70-ти; у всѣхъ ихъ, напротивъ, наблюдается отклоненіе отъ послѣдняго въ сторону еврейскаго текста или латинскаго перевода. У пѣкоторыхъ изъ древнихъ справщикovъ вліяніе еврейскаго текста достигало такой степени, что они совершилo согласовали съ нимъ славянскій переводъ даннаго мѣста. Этотъ переводъ съ еврейскаго не удержался однако у насъ въ послѣдующемъ времени: въ Острожской и Первопечатной Библіи возстановленъ былъ древній переводъ: «умножи же землю отъ нихъ»; и только въ Елизаветинской Библіи впервые на славянскомъ языке явился буквальный переводъ даннаго мѣста съ греческаго текста 70-ти.

Исторія славянскаго перевода этого мѣста кн. Исходъ показываетъ такимъ образомъ на дѣлѣ, что въ древнѣйшее время на греческій переводъ 70-ти не смотрѣли, какъ на такой текстъ, съ которымъ исключительно долженъ согласоваться славянскій переводъ, — что въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ онъ не былъ достаточно ясенъ или точенъ, обращались къ еврейскому тексту и латинскому переводу и при помоціи ихъ старались достигнуть возможно болѣе совершеннаго перевода на славянскій языкъ; и такой приемъ примѣнялся къ дѣлу до того времени, когда греческій переводъ 70-ти достигъ у насъ не только преобладающаго, но исключительного значенія, подъ вліяніемъ котораго были оставлены — и первоначальный славянскій переводъ даннаго мѣста и послѣдующіе опыты его усовершененія и введенъ новый переводъ съ греческаго по своему содержанію уступающій прежнимъ.

Конецъ 4-го ст. Исх. З-й гл. въ пынѣйней славянской Библіи читается: *что есть, Господи*, согласно съ греческимъ переводомъ 70-ти: *τι ἔστιν*, въ которомъ, по большинству греческихъ списковъ, отсутствуетъ однако здѣсь слово: Господи¹⁾). Въ еврейскомъ текстѣ этимъ словамъ соотвѣт-

¹⁾ Кърсъ послѣ *τι ἔστιν* читается по Holmes только въ сп. № 128, Ватиканскій XII в., и № 131, Caisareus Вѣнской библіотеки, X—XI в., а также въ Альдинской Библіи.

ствуетъ: *вотъ я*¹⁾). Смыслъ той и другой передачи библейскаго текста, очевидно, неодинаковъ. По греко-славянскому переводу Моисей на обращенное къ нему изъ средины горящей купины воззваніе отвѣчаетъ вопросомъ, выражющимъ его недоумѣніе. По переводу съ еврейскаго, отвѣтъ Моисея выражаетъ готовность внимать Призывающему его. Смыслъ, выражаемый еврейскимъ текстомъ, болѣе, безъ сомнѣнія, соответствуетъ тому, что въ библейскомъ повѣствованіи предшествуетъ этому отвѣту Моисея и что слѣдуетъ за нимъ. Въ первомъ отношеніи необычайное явленіе, какое представлять горящій и несгорающій терновый кустъ, приковавшій вниманіе Моисея, служилъ для него приготовительнымъ средствомъ къ тому, чтобы въ огласившихъ его слухъ звукахъ своего имени онъ узналъ не человѣческій, а высшій голосъ, на который, по внушенію вѣры въ Бога отцевъ своихъ, онъ могъ отвѣтить на вопросомъ: «что есть?», а выраженіемъ покорной преданности: «вотъ я!». Такой имѣнио отвѣтъ давали, по указанію не только еврейскаго, но и греческаго перевода, на божественный призывъ другіе ветхозавѣтные благочестивые мужи, какъ Авраамъ (Быт. XXII, 11)²⁾. Примѣръ отрока Самуила показываетъ даже, что выраженіе: «се азъ»³⁾ или «вотъ я» употреблялось въ древнѣе ветхозавѣтное время въ качествѣ почтительного отвѣта не только на высшій призывъ, но и на зовъ человѣка, стоящаго выше того, къ кому онъ обращенъ. Итакъ какъ въ томъ и другомъ изъ этихъ мѣсть употреблено по еврейскому тексту тоже выраженіе: («гиннэни»=) «вотъ я», какъ и въ Исходѣ III, 4, такъ какъ въ томъ и другомъ мѣстѣ оно переведено у 70-ти словами: (*ἰδοὺ εἶψεν*) *се азъ*, то это служить вполнѣ достаточнымъ основаниемъ для того, чтобы переводить это выраженіе и въ данномъ мѣстѣ кн. Исходъ словами: «се азъ». Такого рода справки и соображенія, или подобныя имъ, и повели къ тому, что древній славянскій переводчикъ въ данномъ мѣстѣ кн. Исходъ

¹⁾ Въ русскомъ переводе Синод. изданія къ словамъ: *вотъ я* прибавлено: *Господи* въ скобкахъ, согласно съ славянской Библіей.

²⁾ Отвѣтъ Авраама на слова Ангела, воззвавшаго къ нему съ неба, выраженъ въ еврейск. текстѣ также, какъ — и въ Исх. III, 4, по еврейск. тексту, т. е., чрезъ «гиннэ-ни»; у 70-ти это выраженіе переведено въ Быт. XXII, 11 чрезъ *ἰδού εἶψεν = се азъ = вотъ я*.

³⁾ Въ 1 Цар. III, 4, 6 и 8 употреблено въ еврейск. т. тоже выраженіе: «гиннэ-ни», переведенное у 70-ти чрезъ *ἰδού εἶψεν = се азъ*.

отступил от греческого текста и перевел согласно съ еврейскимъ, какъ показываютъ, наприм., вышенназванный списокъ Румянцевскаго музея, № XXVII, и Кирилло-Бѣлозерскій сп., № 3/8, въ которыхъ вмѣсто: *что есть*, *Господи*, читается: *се азъ*. *Господи*¹⁾, или: *се азъ*, какъ—въ сп. Румянцевскаго музея № XXVIII-й. При настоящемъ недостаточномъ знакомствѣ съ памятниками древняго славянскаго перевода нельзѧ, правда, сказать, что этотъ, согласный вообще съ еврейскимъ текстомъ переводъ есть изначальный на славянскомъ языке или самый древній; нельзѧ утверждать это потому, что въ другихъ, болѣе древнихъ по времени происхожденія спискахъ славянскаго перевода читается данное мѣсто ип. Исходъ согласно съ греческимъ—70-ти: «*что есть*» (такъ—въ назван. выше Пари-мійникъ Григоровича) или: «*что есть*» (такъ въ сп. Троице-Сергіевской Лавры, № 1-й;—въ сп. Ундолльского, № 1-й, и въ Геннадіевской Бібліи 1499 года), или: «*что есть*, Господи», какъ въ сп. Севастьянова, № 1-й (прежній № 1431). Существованіе такого рода переводовъ, согласныхъ вообще съ греческимъ текстомъ 70-ти, не подрываетъ однако возможности свидѣтельства, представляемаго другими, прежде названными, списками о согласномъ съ еврейскимъ текстомъ древнеславянскомъ переводѣ тѣхъ же словъ,—не подрываетъ потому, что эти послѣдніе списки, хотя и позднѣйшіе по времени происхожденія, могутъ передавать древнѣйшій славянскій переводъ, какъ дѣйствительно и замѣчено это относительно списка Румянцевскаго музея № XXVII-й пѣвѣстнымъ пашимъ славянствомъ А. Х. Востоковымъ²⁾.

Изъ приведенныхъ списковъ древнеславянскаго перевода Иех. III, 4, видно во всякомъ случаѣ, что въ древнѣйшее время, кромѣ перевода данного мѣста, согласного съ греческимъ 70-ти, существовалъ еще другой, согласный съ еврейскимъ текстомъ. А что этотъ послѣдній не утратилъ у насъ своего значенія въ XVI и XVII вв., видно изъ Острожской и Первопечатной Біблій, въ которыхъ читается это мѣсто:

¹⁾ Имя: „Господи“, нечитаемое въ евр. текстѣ Иех. III, 4, прибавлено въ славянскомъ переводе согласно съ названными выше списками перевода 70-ти (№№ 128 и 131) или Альдинской Бібліей.

²⁾ А. Востоковъ. „Описаніе русскихъ и славянскихъ рукописей Румянцевскаго музеума“, гдѣ относительно списка № XXVII сказано, что въ немъ содергится „вообще древній переводъ, носящий на себѣ признаки болгарскаго языка X и XI вѣка“.

се азъ, *Господи*, не смотря даже на то, что при изданиіи первої справщики пользовались, какъ извѣстно, спискомъ, однороднымъ съ Геннадіевскою Бібліею, въ которой тоже мѣсто читается: *что есть?*¹⁾.

Восполненіе греко-славянскаго перевода въ нѣкоторыхъ его спискахъ по древнимъ переводамъ.

Кромѣ отдельныхъ мѣстъ ветхозав. книгъ, переведенныхъ на славянскій языкъ подъ вліяніемъ еврейскаго текста, списки древняго славянскаго перевода представляютъ еще другое, замѣчательное также, явленіе. Оно состоить въ томъ, что древній рукописный славянскій переводъ восполняемъ былъ справщиками при помощи еврейскаго текста и другихъ древнихъ переводовъ.

Въ подтвержденіе этого приведемъ два-три мѣста изъ ип. Исходъ, съ древнимъ славянскимъ переводомъ которой по болѣе извѣстнымъ спискамъ мы имѣли возможность познакомиться.

Въ 1, 19, по нынѣшнему славянскому переводу, согласно съ греч. 70-ти²⁾, читается: *не яко жени Египтяни, тако и жени Ереаныни: раждають бо...* Между тѣмъ, въ пѣкторыхъ пять списковъ прежняго славян. перевода, относящихся къ XV—XVI вв., предъ послѣдними двумя словами, находится слѣдующее дополненіе: «*смыслены есть зѣло*» (въ пашиномъ выше списка Румянцевскаго музея, № XXVII) или: «*мудры есть вѣлми*» (въ сп. Кирилло-Бѣлозерской библіотеки, № 3/8, и сп. Румянцев. музея, № XXVIII). Откуда почерпнуто это дополненіе?

Изъ какихъ-либо списковъ греческаго перевода 70-ти оно не могло быть заимствовано, такъ какъ между ними, по извѣстнымъ изданиемъ этого перевода съ разностепенями³⁾, неизвѣстно досель такихъ, въ которыхъ находились бы рѣченія, соотвѣтствующими этимъ словамъ.

¹⁾ Въ такомъ видѣ, замѣтимъ, напечатаны эти слова, безъ прибавленія: „Господи“. въ Праздничной Минѣи изданія 1899 г.

²⁾ По Ватиканскому, Александрийскому и др. спискамъ данное мѣсто читается: *Объ ѿзъ ѿвѣжѣ Аѣрѣтъ хі єрѣзъ, тѣкоуи үзъ*, т. е., совершенно согласно съ приведеннымъ славянскимъ переводомъ.

³⁾ Разумѣются изданія: *Bos'a, Holmes-Parsons'a, Tischendorf'a, Sweet, Field'a* и *P. de-Lagarde*.

ствующія приведенному дополненію въ указанныхъ трехъ спискахъ¹⁾. Оно могло явиться въ послѣднихъ единственно подъ вліяніемъ еврейскаго текста и древніхъ переводовъ. По еврейскому тексту въ данномъ мѣстѣ кн. Исходъ библейскимъ писателемъ дѣйствительно выражено представленіе, которое въ томъ видѣ, какъ оно передано пѣкоторыми изъ древніхъ переводовъ, послужило къ возникновенію указанного дополненія въ спискахъ славянскаго перевода. Въ еврейскомъ текстѣ послѣ словъ: *и Ереаныни* читается: «ки хайотъ генна», что въ настоящее время обыкновенно переводится: «потому что онъ здоровы»²⁾. Въ древнія времена слово «хайотъ», отъ которого зависитъ такой или иной переводъ этого мѣста, большою частью понималось было въ иномъ значеніи³⁾; почему у 70-ти приведенныхъ еврейскія слова переданы: *τίκτουσιν γέρων = раждаются бо;* а въ Халдейскомъ таргумѣ: «потому что сами мудры»⁴⁾; въ Самаританскомъ Пятикнижіи: «ибо онъ жизнены»⁵⁾; въ Сирскомъ: «потому что сами повивальныя бабки»⁶⁾.

Изъ этихъ переводовъ справщики славян. перевода въ трехъ названныхъ выше спискахъ остановили, очевидно, свой выборъ на Халдейскомъ таргумѣ, съ переводомъ котораго совершенно согласуется сдѣланное ими дополненіе: «мудры есть велими». Такъ какъ мысль, выраженная этимъ переводомъ, отлична отъ той, какая находится въ словахъ: «раждаются бо»,

¹⁾ У Holmes'a указано въ спискахъ греческаго перевода 70-ти только одно дополненіе къ слову: *αἱ Εβραιῶν*, состоящее изъ *τίκτουσιν* въ сп. № 118 или: *τίκτουσιν* въ № 108, но этимъ чтеніемъ, принадлежащимъ къ Лукіановской рецензіи (по P. de Lagarde. Librorum V. Test. canoniconum pars prior) неѣтъ соотвѣтствующаго перевода въ назван. выше трехъ си. слав. перевода.

²⁾ У насъ этотъ переводъ привѣтъ. Прот. Г. И. Павскимъ и въ Синодальномъ изданіи русскаго перевода Бібліи.

³⁾ „Хайотъ“ древніе понимали не въ значеніи: „живыя“, „здоровыя“, а въ значеніи: „дающія жизнь, рождающія или способствующія рождению“. J. Fürstius. Concordantiae V. Testamenti Hebraicæ et Chaldaicæ, p. 390.

⁴⁾ Переводъ этого таргума: *quia ipsae sapientes sunt*, какъ и дальнѣйшіе древніе переклады, воспроизводятся съ латинскаго въ Полиглоттѣ Вальтона.

⁵⁾ *Nam vividae sunt istae.*

⁶⁾ *Quia obstetrices ipsae.* Въ такомъ же значеніи переведено „хайотъ“ у Симмаха: *μαῖς γέρων εἰσὶ* (по Field. Origenis Hexapl.) и у блаж. Иеронима: *ipsae enim obstetricandi habent scientiam.*

то поэтому справщики сочли нужнымъ внести въ славянскій переводъ то, что они нашли въ таргумѣ и чего не было въ славянскомъ переводѣ. Такимъ образомъ, можно думать, и явился въ названныхъ трехъ спискахъ славянскій переводъ: «мудры есть велими рождаются бо». Сдѣлавши это, справщики не достигли однако своей цѣли — усовершенія существовавшаго въ ихъ время славянскаго перевода данного мѣста. Если бы они обратили большее вниманіе на халдейскій переводъ, которымъ пользовались, то увидѣли бы, что въ немъ послѣ словъ: «ибо сами мудры» не находится чего-либо соотвѣтствующаго словамъ: «раждаются бо», а это наблюденіе должно бы расположить ихъ къ устраниенію этихъ послѣднихъ изъ славянскаго перевода. Но они этого не сдѣлали, ограничившись простымъ дополненіемъ существовавшаго перевода, вслѣдствіе чего вышло то, что вместо одного выраженія, которое читалось въ прежнемъ славянскомъ переводе, оказались два: «мудры есть велими рождаются бо». Дѣйствительное усовершеніе перевода, очевидно, не достигнуто; но это произошло не отъ того, что при справѣ обратились не къ тому, къ чему следовало обратиться, а ближайшимъ образомъ отъ неизвѣстности имъ точнаго значенія употребленнаго здѣсь еврейскаго слова («хайотъ»), чего нельзя ставить имъ въ вину уже въ виду того, какъ неодинаково переводили это слово древніе знатоки еврейскаго языка.

Изъ приведенныхъ дополнительныхъ словъ въ указанныхъ трехъ спискахъ видно во всякомъ случаѣ, что наши справщики вѣрно замѣтили въ данномъ мѣстѣ кн. Исходъ несовершенство славянскаго перевода, проявляющееся въ томъ, что послѣ словъ: «раждаются бо» прежде даже не вспiti къ нимъ бабамъ» слѣдующее непосредственно «раждаху»¹⁾ оказывается излишнимъ въ составѣ библейской рѣчи, не имѣющимъ определенного значенія. И не только давніе наши справщики замѣтили въ данномъ мѣстѣ несовершенство славянскаго перевода, но и избрали вѣрный вообще путь къ устраниенію этого несовершенства, обратившись къ другимъ, кромѣ перевода 70-ти, памятникамъ библейскаго текста. Иного средства для достижения этой цѣли и въ настоящее время не существуетъ. И нынѣ, какъ прежде, для усовершенія перевода данного мѣста на нашъ отечественный языкъ, необходимо

¹⁾ Таковъ переводъ этого мѣста по Паримайнику Григоровича.

димо идти тѣмъ же путемъ, т. е., на основаніи еврейскаго текста, а изъ древнихъ переводовъ — Самаританскаго, какъ наиболѣе точно передавшаго смыслъ употребленаго здѣсь еврейскаго слова, нужно замѣнить выраженіе: «раждаются бо» другимъ: «ибо онъ здоровы», а дальнѣйшія слова: «прежде даже не винти къ нимъ бабамъ» принять за дополненіе къ глаголу: «раждаху», который получаетъ при этомъ опредѣленное значеніе въ составѣ библейской рѣчи. Такъ и переведено это мѣсто въ синодальномъ изданіи русскаго перевода.

Исходъ II, 21-й ст. въ древнемъ славянскомъ переводе начинался словами: «въселижеся Моиси оу человѣка» (по Паримѣнику Григоровича и др.). Этотъ переводъ дословно соотвѣтствуетъ греческому тексту 70-ти)¹⁾. Изъ вышеназванныхъ трехъ списковъ славянскаго перевода видно однако, что справщиками онъ не былъ признанъ за полную передачу библейскаго текста, такъ какъ ими сдѣланъ былъ опытъ восполненія его. Въ этихъ спискахъ словамъ: «вселисяже Моиси...» предполагано выраженіе: «възлюби офоръ (по сп. Румянцевскаго музея № XXVII-й и Кирилло-Бѣлозерской Библиотеки №²⁾) или: «възлюби и» (по сп. Румянцев. музея № XXVIII-й).

Основаніемъ и для этого дополненія могли послужить не какіе-либо особыліе списки греческаго перевода 70-ти, а еврейскій текстъ и другіе древніе переводы. По крайней мѣрѣ въ извѣстныхъ изданіяхъ разночтений греческаго перевода не указано списковъ, въ которыхъ находилось бы что либо, соотвѣтствующее только что приведеннымъ дополнительнымъ словамъ трехъ списковъ. Въ еврейскомъ же текстѣ и другихъ древніхъ переводахъ дѣйствительно находится въ данномъ мѣстѣ кн. Исходъ выраженіе, которое осталось непереведеннымъ у 70-ти и которое послужило, нужно думать, основаніемъ для сдѣланного въ указанныхъ спискахъ дополненія къ существовавшему въ ихъ время славянскому переводу. По еврейскому тексту 21-й стихъ начинается глаголомъ («ваіоэл») въ прошедшемъ времени (въ соединеніи съ союзомъ: «ве» = и), который нерѣдко употребляется въ ветхозав. книгахъ въ значеніи: «началь; захотѣль; нашелъ пріятнымъ; согласился»²⁾,

¹⁾ По Ватиканскому, Александрійскому и др. спискамъ читается: κατωφεύθη δὲ Μωυσῆς παρὰ τῷ ἀνθρώπῳ.

²⁾ Библейскія мѣста въ подтвержденіе указанныхъ значеній глагола „іаааль“ см. въ еврейскихъ словаряхъ.

при чемъ начальные слова этого стиха съ еврейскаго значать: «Моисею понравилось жить у сего человѣка»¹⁾ или: «и согласился Моисей поселиться у этого мужа»²⁾. Въ такомъ же вообще смыслѣ понималось начальное слово 21-го ст. по еврейскому тексту и въ древніхъ переводахъ; въ Халдейскомъ таргумѣ оно переведено: «и захотѣль...»³⁾; въ Сирскомъ: «и согласился...»⁴⁾; въ Самарянскомъ: «понравилось»⁵⁾; у Єодотиона: «и началъ»⁶⁾.

Въ другихъ мѣстахъ библейскаго текста, въ которыхъ употребленъ гл. «іаоэлъ», у 70-ти онъ обыкновенно переводится словомъ: «началь»⁷⁾; но въ Исх. II, 21, оставленъ у нихъ безъ перевода. Эту неполноту въ передачѣ библей-

¹⁾ Это переводъ прот. Г. П. Павскаго, принятый въ Синодальномъ изданіи.

²⁾ Основаніемъ для втораго изъ переводовъ служить въ частности то, что въ Суд. XVII, 11, глаголь „ваіоэлъ“ съ такимъ же совершенно словосочетаніемъ, какъ въ Исх. II, 21, употребленъ вслѣдъ за предложеніемъ Михи левиту оставаться у него; употребленіемъ здѣсь этого глагола библейскій писатель хотѣлъ, очевидно, выразить то, что левитъ согласился на сдѣланное ему предложеніе, почему въ значеніи „согласился“ переведенъ этотъ глаголъ у прот. Г. П. Павскаго и въ Синодальномъ изданіи русскаго перевода Библіи. Согласно съ этимъ представляется правдоподобнымъ, что и въ Исх. II, 21, употребленъ этотъ глаголъ въ такомъ же смыслѣ, такъ какъ и здѣсь поселенію Моисея въ домѣ Мадіамскаго священника предшествовало приглашеніе первому со стороны втораго войти въ его домъ, чтобы *κεῖσθαι хлѣбъ*. Употребленіемъ выраженія: „ваіоэлъ“ библейскій повѣствователь выразилъ, думается, именно то, что Моисей принялъ это приглашеніе, согласился остановиться или поселиться въ домѣ пригласившаго его священника. Приведенный далѣе Сирскій переводъ этого выраженія словами: „и согласился“ оказывается, такимъ образомъ, наиболѣе точно передавшимъ мысль библ. писателя. Въ такомъ же значеніи переводится здѣсь „ваіоэлъ“ въ современныхъ Библіяхъ другихъ народовъ: въ нѣмецкой —透过 bewilligte = „согласился“, въ англійской: content = „согласился“.

³⁾ Et voluit Moyses habitare cum illo. Переводъ таргума и другіе приводятся по Полиглоттѣ Вальтона.

⁴⁾ Et consensit Moses habitare cum viro.

⁵⁾ Placuit autem Mosi habitare cum honine isto.

⁶⁾ Καὶ ἤρεστο Μωυσῆς κατοικεῖν... По Field. Origenis Hexapla.—Въ другихъ древніхъ переводахъ „іаоэлъ“ производимо было отъ „алаг“ и потому переведено въ значеніи: „поклялся“; такъ и у Симмаха и блаж. Иеронима: *juravit ergo Moyses...* Какъ и у 70-ти, указанный евр. глаголъ оставленъ безъ передачи въ арабскомъ переводе (Полиглотта Вальтона).

⁷⁾ Въ значеніи: ἤρεστο глаг. „іаааль“ въ ф. гифиль переведенъ у 70-ти въ Быт. XVIII, 27: ἤρεσμην; Второз. I, 5: ἤρεστο; Суд. XVII, 11 и др.

скаго текста справщики названныхъ списковъ и сочли пужнымъ пополнить при помощи другихъ памятниковъ библейскаго текста, почему и внесли въ славянскій переводъ слово: «вълюби офоръ». Но въ частности—изъ какого источника они почерпнули это дополненіе, остается неяснымъ, такъ какъ форма, въ какой оно выражено, не тождественна ни съ словами еврейскаго текста, ни съ выраженіями древнихъ переводовъ. При передачѣ на славянскій языкъ опущеннаго у 70-ти слова, древніе наши справщики заботились, очевидно, болѣе о томъ, чтобы выразить недостающую въ славянскомъ переводе мысль библейскаго текста,—то побужденіе, по которому Моисей поселился у мадіамскаго священника, чѣмъ о томъ, чтобы передать самое выраженіе, употребленное библейскимъ писателемъ; сдѣлать послѣднее было и крайне трудноимъ въ виду неодинаковости, съ какой передавалось недостающее у 70-ти слово въ другихъ древнихъ переводахъ.

Въ Исх. III, 14, послѣ словъ: *азъ есмъ Сыи* сдѣлано въ трехъ вышеизванныхъ спискахъ слѣдующее дополненіе: въ сп. Румянцев. музея, № XXVII-й, на полѣ: *эгие¹⁾ ашеръ эгие²⁾*; по сп. того же музея, № XXVIII, въ самомъ текстѣ читается «*эгее ашеръ эгее³⁾*», а затѣмъ въ слѣдующихъ непосредственно, словахъ, вмѣсто *Сыи*, написано: *эгее*; въ сп. Кирилло-Бѣлозерской библиотеки, № 3/8, въ текстѣ также написаны были тѣ же, по всей вѣроятности, слова, но большая часть буквъ счищена, остались только: «*азъ. ге...ге⁴⁾*». Указанныя дополнительныя слова представляютъ, очевидно, не что иное, какъ рѣченія еврейскаго текста: *эгэ ашеръ эгэ*, значащія: *Я есмъ*

¹⁾ Первая буква этого слова имѣть въ названномъ спискѣ очень своеобразное начертаніе, несходное съ тѣми особыми формами буквъ, какія указаны, наприм., въ Очеркѣ Кирилловской Палеографіи Е. Ф. Карского. Предположительно мы принимаемъ ее за обратное э, употреблявшееся въ югославянскихъ спискахъ въ написаніи иностранныхъ словъ, каково и „*эгие*“.

²⁾ Въ этомъ словѣ первая буква имѣть другое, также своеобразное начертаніе; форма ея иѣсколько сходна съ незаконченной цифрой 8.

³⁾ Первые буквы словъ: „*эгее эгее*“ въ сп. № XXVIII имѣть однавковое, но также своеобразное начертаніе, отличное отъ начертаній въ сп. № XXVII; фигура буквы здѣсь приближается къ обратному э.

⁴⁾ Предъ вторымъ ге замѣтны иѣсколько слѣды древнеславянской буквы ле.

Суши. Въ извѣстныхъ издапіяхъ греческаго перевода съ разночтѣніями такого дополненія въ данномъ мѣстѣ, состоящаго изъ рѣченій еврейскаго подлинника, нигдѣ не указано. А изъ древнихъ переводовъ подлинныя выраженія еврейскаго текста приведены только въ Сирскомъ Пешито¹⁾, изъ котораго, нужно думать, и заимствовали древніе наши справщики приведенные слова еврейскаго текста въ дополненіе къ славянскому переводу.

Разсмотрѣнныя, хотя и немногочисленныя, мѣста рукописаго славянскаго перевода кн. Бытія и Исходъ съ несомнѣнностью показываютъ, что подлинникомъ для него служилъ не одинъ переводъ 70-ти, а по мѣстамъ — еврейскій текстъ и другіе древніе переводы. Выводъ этотъ, конечно, не новый. Къ нему приходилъ Св. Сиподъ въ 1742 г., во время приготовленія славянской Библіи къ изданію 1751 г.²⁾; но при окончательномъ установлении славянскаго текста выводъ этотъ не получилъ, къ великому сожалѣнію, надлежащаго примѣненія.—Наиболѣе замѣтный примѣръ древнеславянскаго перевода съ еврейскаго представляетъ 5-й ст. Быт. 2-й гл.³⁾. Насколько грекославянскій переводъ этого стиха возбуждаетъ, какъ было показано⁴⁾, недоумѣній, настолько же древнеславянскій переводъ дѣлаетъ его яснымъ, содержательнымъ и важнымъ для пониманія дальнѣйшаго повѣствованія о творческой дѣятельности⁵⁾. Одного этого примѣра достаточно, думается, для того, чтобы привлечь полное вниманіе къ древнимъ спискамъ этого перевода и сдѣлать изученіе ихъ, а затѣмъ и изданіе настоятельно нужнымъ дѣломъ, выполненіе котораго послужило бы весьма важнымъ пособіемъ при будущемъ пересмотрѣ существующихъ у насъ переводовъ ветхозав. книгъ. Едвали можно сомнѣваться въ томъ, что списки древняго нашего перевода содержать много переводовъ и другихъ мѣсть Библіи,

¹⁾ Въ Полиглоттѣ Вальтона 14-й ст. 3 главы Исходъ переведенъ по сирски: Respondit Mosi Deus. Ehie ascer ehie (sum qui sum). Tum dixit; sic dices ad filios israel: Ehie misit me super vos.

²⁾ См. Православную богословскую Энциклопедію, т. II, стр. 515—516.

³⁾ Разборъ возраженія И. Е. Евсѣева противъ предложенного нами объясненія древнеславянскаго перевода Быт. II, 5, изъ еврейскаго текста, напечатанного въ мартовской кн. „Христ. Чтенія“, см. далѣе, стр. 47 и слѣд.

⁴⁾ Стр. 18—19.

⁵⁾ Стр. 24—28.

отличающихся такими же высокими достоинствами. Приведенные переводы другихъ мѣстъ библейского текста показываютъ также, что не безъ причины и не безуспѣшио древніе справщики обращались къ помощи еврейского текста и другихъ древнихъ переводовъ, кромѣ — 70-ти. Изъ многократныхъ перемѣнъ, какимъ подвергался въ разныхъ спискахъ переводъ, наприм., Исх. 1, 7, очевидно, какъ неустанно работала мысль-справщиковъ надъ усовершенствованіемъ перевода этого мѣста, котораго они въ концѣ концевъ и достигли, хотя виослѣдствіи это не было оцѣнено. Незначительныя на видъ дополненія древнеславянскаго перевода, находящіяся въ нѣкот. спискахъ, свидѣтельствуютъ о томъ, какъ тщательно, отъ слова до слова, сравнивали справщики существовавшій въ ихъ время переводъ съ древними переводами и восполняли, по мѣрѣ разумѣнія, замѣчанные пробѣлы. Какихъ великихъ поисковъ книжныхъ пособій, помимо тяжелаго механическаго труда, стоила въ древнія времена свѣрка славянскаго перевода съ древними переводами — сирскимъ, халдейскимъ, можно судить по тому, что и въ настоящее время книжлаго богатства надлежащія пособія для такой свѣрки можно найти у насъ въ очень немногихъ библиотекахъ, а еще рѣже встрѣчаются владѣющіе запаніемъ тѣхъ языковъ, на которые сдѣланы древніе переводы, какими пользовались наши справщики. Если бы проявленыя ими тщательность и неутомимость въ усовершенствованіи перевода священныхъ книгъ продолжались и въ теченіе трехъ послѣднихъ столѣтій, то нашъ славянскій переводъ Библіи стоялъ бы, безъ сомнѣнія, на несравненно высшей степени совершенства и не возбуждалъ бы угрызеній «научной совѣсти¹⁾».

Кому обязанъ своимъ происхожденiemъ древній, до-Острожскій, славянскій переводъ нѣкоторыхъ мѣстъ ветхозавѣтнаго текста, сдѣланный съ еврейскаго или при пособіи другихъ, кромѣ 70-ти, древнихъ переводовъ?

Прежде, чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, считаемъ нужнымъ отвѣтить па возраженіе противъ того положенія, что въ древнемъ славянскомъ переводе ветхозавѣтныхъ книгъ есть мѣста, переведенные подъ вліяніемъ еврейскаго текста. Возраженіе сдѣлано было па первую нашу статью по этому пред-

¹⁾ Христ. Чт. 1901 г., стр. 1001.

мету¹⁾ отечественнымъ нашимъ библейстомъ Иваномъ Евсѣевичемъ Евсѣевымъ, извѣстнымъ капитальными трудами по изслѣдованію древняго славянскаго перевода²⁾.

I. Отвѣтъ на возраженіе.

Своє возраженіе³⁾ И. Е. Евсѣевъ начинаетъ замѣчаніемъ, что бывшія доселѣ попытки «указать или даже намѣтить вліяніе еврейской стихіи въ древне-славянскомъ переводе» «не отличались желательною доказательностью» и что наша попытка не составляетъ въ этомъ отношеніи исключенія, такъ какъ въ статьѣ, вызвавшей возраженіе, доказательствъ приведено очень немного: «всего одно мѣсто изъ кн. Бытія»; «такую цифру доказательствъ нельзя не признать, говорить онъ, черезъ-чуръ скромной». Вѣрно въ этомъ замѣчаніи то, что въ указанной статьѣ разматривается одно мѣсто древнеславянскаго перевода — Быт. II, 5; но что авторъ ея имѣть ввиду не одно это мѣсто, видно и изъ предисловія къ статьѣ, въ которомъ высказывается намѣреніе привести «славянскій переводъ нѣкоторыхъ мѣстъ ветхозавѣтныхъ книгъ» или говорится: «начнемъ съ Быт. II, 1—5». Выражаясь такимъ образомъ, составитель статьи давать черезъ это понять, что онъ приведеть въ подтвержденіе высказанного имъ мнѣнія о вліяніи еврейскаго текста на древній славянскій переводъ кн. Бытія и Исходъ и нѣкоторыя другія мѣста, что и было исполнено въ статьѣ, напечатанной въ «Христ. Чтеніи» за апрель (стр. 486—499)⁴⁾. И въ этой статьѣ доказательствъ приведено, конечно, не много, несравненно меньше, чѣмъ сколько желательно бы ихъ имѣть; но въ настоящее время, когда съ такимъ большими трудомъ достигается знакомство съ древнимъ славянскимъ переводомъ, и то немногое, что приведено въ названныхъ статьяхъ, составителю ихъ показалось, въ виду скучности у насъ по части изысканій въ области древне-славянскаго перевода ветхозавѣтныхъ книгъ, заслуживающимъ того, чтобы свои наблюденія довести до свѣдѣнія читателей

¹⁾ См. стр. 1—13.

²⁾ Кромѣ «Книги пророка Исаї въ древнемъ славянскомъ переводе» и многихъ отдельныхъ статей, въ недавнее время имъ издана «Книга пророка Даниила въ древніе славянскомъ переводе».

³⁾ См. «Христ. Чтеніе» за 1905-й годъ. Мартъ, стр. 397—401.

⁴⁾ См. выше стр. 33—44.

академического журнала. Главная цель этихъ статей состоять въ томъ, чтобы тѣмъ немногимъ, что не безъ большихъ усилий удалось извлечь изъ списковъ древняго славянскаго перевода, обратить вниманіе на отношеніе послѣдняго къ еврейскому тексту, которое совершенно заслоняется въ отечественной литературѣ установившимся взглядомъ на этотъ переводъ, какъ сдѣланый именно съ греческаго текста.

Самое возраженіе состоитъ въ томъ, что объясненіе древне-славянскаго перевода Быт. II, 5 (*прежде даже не бысть... прежде даже не прозябѣ*) изъ еврейскаго текста совершенно напрасно, что этотъ переводъ вполнѣ объяснимъ изъ греческаго текста (*πρὸ τοῦ γενέσθαι... πρὸ τοῦ ἀνατεῖλαι*). Какимъ образомъ изъ этого послѣдняго могли явиться два несходные между собою славянскіе переводы (приведенный древній славянскій, а равно нынѣшній: *прежде даже быти... прежде даже прозябнуть*), авторъ возраженія не объясняетъ. Вмѣсто этого, онъ приводить «изъ области тѣхъ же древне-славянскихъ переводовъ» 8 «аналогичныхъ примѣровъ того, какъ передается тамъ *πρὸ τοῦ*, а равно и родственное съ нимъ *πρὶ* съ послѣдующимъ неопределеннымъ».

Рассмотримъ эти примѣры по порядку ихъ слѣдованія.

Въ качествѣ первого примѣра приведены слова Іерем. I, 5 по Чудовскому списку: «прежде даже тебе не създаахъ въ чревѣ, съвѣмъ тя». По способу выраженія эти слова совершенно сходны съ древне-славянскимъ переводомъ Быт. II, 5: и тамъ, и здѣсь читаются одинаково: «прежде даже» съ частицей «не» и глаголъ—въ прошедшемъ времени. Съувѣренностью авторъ подставляетъ къ этому переводу греческій текстъ: *πρὸ τοῦ μὲ πλάσαι σε ἐν κοιλίᾳ, ἐπίστηκαί σε*. При внимательномъ разсмотрѣніи, этотъ греческій текстъ представляется однако замѣтныя черты несходства съ древне-славянскимъ переводомъ: вмѣсто «прежде даже» по-гречески читается только (*πρὸ*) «предъ» или «прежде»; (*με*) «меня» или «азъ», какъ подлежащее при глаголѣ изъявительного наклоненія, въ славянскомъ опущено; частицы «не» въ греческ. иѣтъ; вмѣсто неопределенного наклоненія (*πλάσαι*=создать) глаголъ поставленъ по-славянски въ изъявительномъ наклоненіи; въ 9-ти сло-вахъ того и другого переводовъ оказывается четыре черты различія между ними, которыхъ уже по самому своему количеству обращаютъ на себя вниманіе и возбуждаютъ вопросъ о томъ, почему древній славянскій переводчикъ сдѣлалъ здѣсь отступ-

ление отъ бывшаго у него подлинника? Если бы авторъ возраженія задалъ себѣ этотъ вопросъ, то рѣшеніе послѣдняго заставило бы его совершенно измѣнить свой взглядъ на значеніе приводимаго имъ примѣра. Онъ увидѣлъ бы, что причиной недостаточнаго сходства славянскаго перевода съ греческимъ служить то, что онъ сдѣланъ не съ этого послѣдняго, а съ еврейскаго текста, въ которомъ употреблены здѣсь такія же формы рѣчи, какъ и въ древне-славянскомъ переводѣ: слова пророка здѣсь начинаются тѣмъ же еврейскимъ нарѣчіемъ (*«теремъ»* съ предлогомъ: *бетеремъ*), какъ и въ Быт. II, 5, значащимъ: еще не; глаголь (эццарека) съ подразумѣваемымъ подлежащимъ: *«я»* поставленъ въ изъявительномъ наклоненіи, какъ и въ древне-славянскомъ переводе, также съ подразумѣваемымъ подлежащимъ. Слова еврейскаго текста, по буквальному переводу значать: «еще не создалъ тебя во чревѣ, зналь тебя», что вполнѣ, конечно, соотвѣтствуетъ древне-славянскому переводу: «прежде даже тебе не създаахъ въ чревѣ, съвѣмъ тя». Не менѣе ясно увидѣлъ бы авторъ и то, что передачей греческаго текста служитъ не древній, а нынѣшній славянскій переводъ, вполнѣ ему дѣйствительно соотвѣтствующій: *прежде неже ми создати тя во чревѣ, познахъ тя*. Сходство приведенного древне-славянскаго перевода съ еврейскимъ текстомъ такъ очевидно и полно, что оно могло ускользнуть отъ вниманія автора возраженія только вслѣдствіе того, что онъ не заглянулъ въ еврейскую Библію, подъ вліяніемъ господствующаго у насъ взгляда на славянскій переводъ, какъ сдѣланый съ греческаго. Едва ли нужно и прибавлять къ сказанному, что первый примѣръ оказывается, при его разсмотрѣніи, не опровергающимъ, а доказывающимъ мысль о непосредственномъ вліяніи еврейскаго текста на древне-славянскій переводъ.

Вторымъ примѣромъ служатъ дальнѣйшія слова того же 5-го ст. I-й главы кн. пр. Іеремії: «прежде даже не изыде изъ ложеспѣ, святихъ тя», которыя авторъ признаетъ передачей греческаго текста: *πρὸ τοῦ σε ἐξελθεῖν ἐκ μῆτρας, ἡγίασα σε*. И эти слова, по построению рѣчи совершенно однородныя съ предшествующими, также мало доказываютъ взглядъ автора на отношеніе древне-славянскаго перевода къ греческому: и здѣсь наблюдаются тѣ же черты различія между ними (вмѣсто «прежде» (=*πρὸ*) переведено «прежде даже не», (*σε*) «тебя» оставлено безъ передачи; глаголъ поставленъ въ изъявитель-

номъ наклоненіи вмѣсто неопределенного). Вмѣстѣ съ тѣмъ и здѣсь наблюдается такое же близкое сходство съ словами еврейского текста, въ которыхъ находится то же еврейское слово: (убетеремъ=) «еще не» и глаголь («тепе») съ подразумѣваемымъ подлежащимъ 2-го лица, поставленный въ изъявительномъ наклоненіи. Съ еврейского слова эти переводятся: *и прежде нежели ты вышелъ изъ утробы, я освятилъ тебя* (перев. Синод. изд.) или (буквально, безъ дополненій, при усвоеніи слову: «теремъ» значенія: «еще не»): «и еще не вышелъ изъ утробы, освятилъ тебя», что вполнѣ соотвѣтствуетъ древне-славянскому переводу: «прежде даже не изъде изъ ложеинъ, святихъ тя». Эти два примѣра, составляющіе двѣ половины одного и того же стиха, по своему содержанію и построению рѣчи такъ сходны между собою, что они представляютъ собственно одинъ примѣръ, который могъ быть раздѣленъ на два развѣ для того только, чтобы получилось болѣе внушительное количество примѣровъ.

Третьимъ примѣромъ служить переводъ Софоніи II, 2: «прежде быти вамъ яко цвѣту мимоходящу въ день, прежде прити на вы гнѣву яости Господня, прежде прити на вся дни гнѣва яости Господня», каковыя слова признаются со стороны автора передачей соотвѣтствующаго имъ греческаго текста: πρὸ τοῦ γενέσθαι... πρὸ τοῦ επελθεῖν... πρὸ τοῦ ἐνελθεῖν. Приведенный славянскій переводъ дѣйствительно сдѣланъ съ греческаго, безъ обращенія къ еврейскому тексту. Это видно изъ того, что греческій предлогъ переданъ здѣсь словомъ: «прежде», а не чрезъ «прежде даже не», хотя въ еврейскомъ текстѣ и здѣсь читается еврейское: «бетеремъ», какъ въ Іер. I, 5; видно это и изъ перевода «быти» согласно съ греческимъ (γενέσθαι), между тѣмъ какъ въ еврейскомъ текстѣ вмѣсто этого употребленъ глаголь: «родиться» или «явиться». Вслѣдствіе этого славянскій переводъ приведенного мѣста изъ кн. прор. Софоніи дѣйствительно можетъ служить примѣромъ того, какъ рассматриваемый греческій предлогъ, сообразно съ своимъ значеніемъ, безъ обращенія переводчика къ еврейскому тексту, передаваемъ быль обыкновенно на славянскій языкъ въ древнее и позднѣйшее время. Онъ переводился именно предлогомъ: «прежде» съ зависящимъ отъ него глаголомъ въ неопределенномъ наклоненіи, какъ переведены и слова Бытія II, 5, въ нынѣшней славянской Библіи.

Четвертый, приведенный авторомъ, примѣръ имѣть такое

же значеніе. Имъ служать слова прор. Аггея II, 16: «прежде положити камень па камени»: πρὸ τοῦ θεῖναι λίθον ἐπὶ λίθον. И этотъ славянскій переводъ представляетъ дословную передачу греческаго, независимо отъ еврейскаго текста, въ которомъ читается здѣсь тоже еврейское слово («теремъ» съ другимъ предлогомъ: «минъ» = «миттеремъ»), значащее: «когда еще не», вслѣдствіе чего славянскій переводчикъ, если бы принималъ во вниманіе еврейскій текстъ, передалъ бы греческое «прежде» (πρὸ) сходно съ тѣмъ, какъ переведено оно въ Іерем. I, 5, причемъ получился бы переводъ: «прежде даже не положили... или: когда еще не былъ положенъ камень... (русскій переводъ Синод. изд.). Такъ какъ ни того, ни другаго признака вліянія еврейскаго текста на славянскій переводъ въ данныхъ словахъ пророка Аггея не замѣтно, то на этомъ основаніи нужно признать этотъ славянскій переводъ за переводъ съ греческаго, въ которомъ греческое «прежде» (πρὸ), по изслѣдованию проф. Корсунскаго, «всегда означаетъ лишь *предъ*, *напередъ*, *прежде*»¹). Славянскій переводъ словъ Софоніи и Аггея представляетъ такимъ образомъ нормальный переводъ рассматриваемаго греческаго предлога, соотвѣтствующій коренному его значенію въ греческомъ языкѣ; а такая его передача въ славянскомъ переводѣ неизбѣжно должна наводить на мысль о томъ, что дѣлаемая въ другихъ мѣстахъ библейскаго текста отступленія отъ обычного значенія этого греческаго предлога, при передачѣ его на славянскій языкъ, должны имѣть особыя причины, уясненіе которыхъ авторъ оставилъ безъ вниманія.

Пятымъ примѣромъ служить славянскій переводъ Исаіи VII, 15: «прежде даже не разумѣть и не изволить зла, избереть благое», чemu у 70-ти соотвѣтствуетъ: πρὶν ἦ γενέσθαι αὐτὸν ἢ προελέσθαι πονηρά, ἐκλέξασθαι τὸ ἀγαθόν²). Этотъ примѣръ не имѣть собственно прямого отишепія къ настоящему спорному вопросу, такъ какъ у 70-ти употреблено въ приведенномъ мѣстѣ пророческой книги греческое слово (πρὶν вмѣсто πρὸ), правда «родственное» (съ πρὸ), какъ справедливо замѣ-

¹) Переводъ ЛXX. И. Корсунскаго. 462.

²) Такъ читается это мѣсто по Ватиканскому списку IV-го вѣка; вмѣсто ἐκλέξασθαι читается въ Синайскомъ, Маршаліан. и Криптоферратскомъ: ἐκλέξεται. См. Кембриджское изданіе: The Old Testament in greek. Въ Москв. греч. Библіи: πρὶν γενέσθαι αὐτὸν προελέσθαι πονηρά, ἐκλέξασθαι τὸ ἀγαθόν.

чаетъ авторъ, но всетаки не тожественное, вслѣдствіе чего-славянскій его переводъ, каковъ бы онъ ни былъ, не можетъ служить прямымъ и несомнѣннымъ указаніемъ или разъясненіемъ того, какъ и почему передаваемъ былъ въ древнемъ славянскомъ переводѣ такъ, а не иначе, другой, отличный отъ него, несмотря на свою родственность, предлогъ (т. е. греческій *πρὸς*), о которомъ идетъ здѣсь рѣчь. Чтобы не подумалъ однако читатель, что мы намѣренно отклоняемъ приведенный примѣръ, какъ идущій, можетъ онъ подумать, на перекоръ отстаивающему нами пониманію, остановимся на разсмотрѣніи и этого примѣра. Дѣло здѣсь въ томъ, что употребленное въ греческомъ текстѣ приведенныхъ словъ Исаи греческое нарѣчіе (*πρὶν*) значитъ: «предъ, прежде, прежде чѣмъ, пока»; а въ приведенномъ у автора переводѣ, какъ и въ другихъ древнихъ переводахъ этого мѣста, находящихся въ Паримійникахъ, это нарѣчіе переведено словами: «прежде даже не»¹⁾. Изъ этого авторъ возраженія сдѣлалъ, нужно думать, такой выводъ: если древній славянскій переводчикъ употребленное здѣсь греческое слово (*πρὶν*) передалъ черезъ «прежде даже не», то онъ могъ тѣми-же словами перевести и другой «родственный» съ нимъ предлогъ (*πρὸς*); а поэтому славянскій переводъ первого изъ этихъ словъ можетъ служить примѣромъ перевода и втораго. Основаніемъ для такого вывода служить, конечно, увѣренность въ томъ, что древній славянскій переводъ даниаго мѣста сдѣланъ съ греческаго текста. При внимательномъ сличеніи древнеславянскаго перевода даниаго мѣста съ греческимъ, оказываются, между тѣмъ, вмѣстѣ съ чертами сходства²⁾, и нѣкоторыя черты различія между ними. Послѣдняя состоять главнымъ образомъ въ томъ, что въ приведенномъ у автора славянскомъ переводѣ оставлены безъ передачи греческія частицы: «или» (*ἢ*), изъ которыхъ одна читается передъ «разумѣть» (*πρὶν γνῶμαι*), вторая—передъ «изволить» (*ἢ προελέσθαι*). Оpuщеніе этихъ частицъ наводитъ на мысль, что славянскій пере-

водчикъ, кромѣ греческаго текста, принималъ здѣсь во внимание и еврейскій текстъ, въ которомъ отсутствуютъ эти частицы. Къ разностямъ принадлежитъ также то, что глаголы: «разумѣть, изволить, избирать» вмѣсто неокончательного наклоненія, въ какомъ они читаются у 70-ти, въ приведенномъ у автора¹⁾ славянскомъ переводѣ поставлены въ изъявительномъ. Къ разностямъ же относится и переводъ греческаго нарѣчія (*πρὶν*), значащаго: «прежде», словами: «прежде даже не». Въ такомъ переводе отразилось также, какъ можно думать, влияніе на славянскаго переводчика еврейскаго текста, въ которомъ глаголь «разумѣть» поставленъ здѣсь въ неопределенному наклоненіи съ предлогомъ («ле»; вмѣстѣ съ глаголомъ и мѣстоименіемъ читается по еврейски: «ледаетто»), ближайшій смыслъ котораго въ данномъ мѣстѣ, какъ видно изъ неодинаковыхъ его объясненій у гебраистовъ²⁾, не довольно ясенъ, вслѣдствіе чего древній славянскій переводчикъ обратился, можно думать, къ слѣдующему, совершенно однородному по своему содержанію, стиху пророческой книги, въ которомъ употребленъ тотъ же глаголь «разумѣть» (евр. *וְיָדָה*) съ предшествующимъ ему словомъ: (бетеремъ) «еще не», по своему положению въ рѣчи соотвѣтствующимъ названному еврейскому предлогу («ле»); подъ влияніемъ этого еврейскаго слова и передано по всей вѣроятности, указанное греческое нарѣчіе (*πρὶν*), тѣми же словами: «прежде даже не», какъ и родственный съ нимъ греческій предлогъ (*πρὸς*) въ Быт. П, 5 и Иер. I, 5).

Шестымъ примѣромъ служать слова прор. Исаи, VII, 16: «прежде увѣдѣнія дѣтишю блага и зла, отдать злобъ», чemu у 70-ти соотвѣтствуетъ: *πρὶν ἡ γνῶμαι τὸ πεῖτον ἀγαθὸν ἢ κακὸν ἀπειθεῖ πονηρία...* Этотъ славянскій переводъ представляетъ весьма близкую передачу греческаго текста, въ которой греческому нарѣчію (*πρὶν*) дано обычное значение: «прежде чѣмъ». Но кромѣ приведенного у автора перевода, былъ еще другой славянскій его переводъ, находящійся въ Паримійникахъ, изъ которыхъ въ Захарьевскомъ (XII вѣка)³⁾ читается: «прежде

¹⁾ Въ приведенномъ выше паримійномъ чтеніи эта разность отчасти отпадаетъ.

²⁾ Объ этомъ см., наприм.. Franz Delitsch. Biblischer Commentar über den Prophet Jesaja. 1866 г., стр. 134, или Nágelsbuch. Der Prophet Jesaja стр. 105.

³⁾ Въ Паримійникѣ Григоровича, древнѣйшемъ изъ известныхъ въ

¹⁾ Въ Паримійникѣ Григоровича 15-й ст. читается: *πρέμεδε δαμε οὐτε γνωμένετε ειμὶ οὐτε εἰσελέγετε κακόν*. (P. Брандтъ. Григоровичъ Паримійникъ. Вып. I-й, стр. 15).

²⁾ Особеннаю чертою сходства между древне-славянскимъ переводомъ даниаго мѣста и греческимъ текстомъ служить слово: «изволить», представляющее передачу греческаго *προελέσθαι*; въ еврейскомъ текстѣ этому соотвѣтствуетъ по порядку словъ „маось“, но оно значить: „отвергать“.

даже не разумѣти отрочати добра и зла, отврьжеться зѣла», въ Ляпуновскомъ (XVI в.): «прежде не разумѣти добра и зла и отвержется злого»¹). Читаемыя здѣсь выраженія: «прежде даже не», «прежде не» вмѣсто «прежде», представляютъ, въ виду сказанного при объясненіи Іерем. I, 5, и Быт. II, 5, ничто иное, какъ передачу еврейскаго слова: (*теремъ*) «еще не», которое дѣйствительно читается въ данномъ мѣстѣ кн. пр. Исаї передъ еврейскимъ «разумѣть». То явленіе, что въ приведенномъ у автора слав. переводѣ это «прежде даже не» замѣнено словомъ «прежде» или «прежде неже», какъ въ нынѣшней Славян. Библіи, показываетъ, что древній славянскій переводъ въ позднѣйшее время замѣненъ другимъ, вполнѣ согласованнымъ съ греческимъ переводомъ 70-ти. Изъ этого объясненія древне-славянскаго перевода, Исаї VII, 15—16 ст., видно, такимъ образомъ, что онъ не можетъ служить и косвеннымъ доказательствомъ того, для подтвержденія чего приведенъ авторомъ этотъ примѣръ; своеобразная передача указанного греческаго нарѣчія (*πρὶ*) въ древне-славянскомъ переводѣ можетъ быть объяснена сколько-нибудь удовлетворительно, помимо допущенія произвола со стороны переводчика, только при мысли о вліяніи еврейскаго текста.

Въ разсмотрѣніе слѣдующихъ двухъ примѣровъ: Мал. IV, 5 и Іоиль II, 31, не будемъ входить, такъ какъ авторъ приводить ихъ въ видѣ цитатъ, безъ приведенія славянскаго перевода этихъ мѣсть. Замѣтимъ только, что у 70 ти въ томъ и другомъ мѣстѣ употреблено то-же греческое нарѣчіе, какъ въ Исаї VII, 15, 16 (т. е. *πρὶ*), которое служить передачей читаемаго въ обоихъ—одинаково еврейскаго слова (*«лифне»*), значащаго: «предъ, прежде», и что соотвѣтствующее этому еврейскому слову греческое нарѣчіе въ нынѣшней славянской Библіи переведено въ обычномъ его значеніи: *прежде неже и: прежде*. Такъ какъ въ обоихъ указанныхъ мѣстахъ, по греческому переводу и по еврейскому тексту, употребленъ другой оборотъ рѣчи (*πρὶ* вмѣсто *πρὸς*; «лифне» вмѣсто «теремъ»), тѣмъ въ Быт. II, 5, то въ виду этого ссылка автора на эти мѣста оказывается напрасной.

Изъ приведенныхъ примѣровъ авторъ замѣтки дѣлаетъ слѣ-

настоящее время, 16-й стихъ опущенъ. См. Р. Брандтъ. Григоровичевъ Паримѣникъ. Вып. 1-й, стр. 15.

¹) Тамъ-же, стр. 15—16.

дующій выводъ: «Намѣчается, какъ видно изъ примѣровъ, три способа передачи греческаго выраженія *πρὸ τοῦ* (и *πρὶ*) съ послѣдующимъ неопределенымъ: 1) выраженіемъ *прежде даже не* съ послѣдующимъ изъявительнымъ, 2) выражениемъ *прежде* съ послѣдующимъ неопределеннымъ и 3) *прежде* съ послѣдующимъ отглагольнымъ существительнымъ. Способъ перевода греческаго *πρὸ τοῦ* съ неопределеннымъ посредствомъ славянскаго *прежде даже не* съ изъявительнымъ оказывается самымъ обычнымъ въ древнихъ текстахъ (прибавимъ, въ особенности первоначального извода)».

Противъ второго и третьаго положеній мы не имѣемъ ничего сказать: въ нихъ выражено то, что показываютъ приведенные примѣры. Но что касается первого положенія, то признать его правильнымъ нельзя въ силу уже того соображенія, что если переводъ греческаго предлога (*πρό*) словомъ: «прежде» бытъ общеупотребительнымъ, то не могъ быть въ то же время столь же обычнымъ другой, отличный отъ него, переводъ словами: «*прежде даже не*», при которомъ измѣняется смыслъ зависящихъ отъ этого предлога словъ. Обычность оного перевода неизбѣжно дѣлаетъ необычнымъ другой, отличный отъ него переводъ: частица «не» совсѣмъ не такая часть рѣчи, чтобы могла быть то прибавляема, то опускаема. Что славянскій переводъ данного греческаго предлога словами: «*прежде даже не*» съ передачей зависящаго отъ него глагола въ изъявительномъ наклоненіи не былъ, вопреки утвержденію автора, «самымъ обычнымъ въ древнихъ текстахъ», видно изъ того, что авторъ, при своемъ знакомствѣ съ древнимъ славянскимъ переводомъ, указалъ одинъ собственно примѣръ (въ кн. Іерем. I, 5) такого перевода, изъ которого онъ искусственно сдѣлалъ два примѣра. Разборъ же этого примѣра показалъ съ достаточностью, думаемъ, убѣдительностью, что особый древне-славянскій переводъ словъ прор. Іереміи обязанъ своимъ происхожденіемъ вліянію именно еврейскаго текста. Отсюда видно, насколько справедливъ авторъ, когда онъ затѣмъ говоритъ, что «вліяніе еврейскаго и сирскаго текстовъ въ древне-славянскомъ переводе Быт. II, 5 не при чемъ». Смѣлость и рѣшительность и въ научныхъ разысканіяхъ имѣютъ, безспорно, большое значение, но только въ такомъ случаѣ, когда съ этимъ соединяется доказательность. А можетъ ли быть признано доказаннымъ положеніе, обоснованное па одномъ аналогичномъ примѣрѣ, притомъ безъ всякаго разбора его? То, что въ Іерем. I, 5, дан-

ный греческий предлогъ (*πρό*) съ зависящимъ отъ него глаголомъ переведенъ словами: «прежде даже не», можетъ ли служить достаточнымъ основаниемъ для вывода, что это былъ «самый обычный переводъ рядового греческаго текста», когда во многихъ другихъ мѣстахъ древне-славянскаго перевода этотъ предлогъ, при такомъ же сочетаніи съ глаголомъ, переводимъ былъ иначе, безъ «даже не»? Не значить ли это—дѣлать скроуплья заключенія? И пусть бы этимъ ограничился авторъ, т. е. выражениемъ своего несогласія съ объясненіемъ древне-славянскаго перевода Быт. II, 5, какъ сдѣланнаго съ еврейскаго текста. Вопреки этому, онъ простираетъ свой отрицательный выводъ и на самое содержаніе или «смысловое значеніе», какъ выражается авторъ, древне-славянскаго перевода Быт. II, 5, состоящее въ томъ, что въ этомъ мѣстѣ кн. Бытия повѣствуется не о созданіи, а о несуществованіи на первозданной землѣ всякаго злака сельнаго и всякой травы сельной. Свое несогласіе съ этимъ пониманіемъ высказалъ авторъ, думается, потому только, что въ то время, когда онъ писалъ свое возраженіе, была ему неизвѣстна статья, посвященная этому предмету¹⁾, въ которой, по мѣрѣ силъ, старались мы, при помощи филологии и выясненія самаго содержанія библейскаго текста, показать и доказать правильность пониманія указаннаго мѣста кн. Бытия, выраженного въ древне-славянскомъ его переводѣ, согласующемся съ еврейскимъ текстомъ. Убѣдила ли автора эта статья въ невѣрности сдѣланнаго имъ отрицательного вывода относительно «смысловаго значенія» древне-славянскаго перевода Быт. II, 5, или нѣть, вторично входить въ разсмотрѣніе этого не будемъ и обращаемъ любознательнаго читателя къ сказанному тамъ, служащему выражениемъ не мимолетной мысли, а твердо сложившагося у насъ убѣжденія.

Сознавая, можетъ быть, недостаточность доказательствъ, приведенныхъ изъ перевода ветхозавѣтныхъ книгъ, авторъ пополняетъ свою аргументацию двумя примѣрами древне-славянскаго перевода Евангельскаго текста (Лук. II, 21 и Иоан. XVII, 5), въ которыхъ рассматриваемый греческий предлогъ (*πρό*) съ зависящимъ отъ него глаголомъ въ неопределеннномъ падеженіи переданъ словами: «прежде даже не». Къ этимъ примѣрамъ присоединены еще ссылки на Мф. I, 18 и XX, 34 (вероятно, XXVI, 34), въ которыхъ по греческому тексту чи-

тается нарѣчіе: «прежде» (*πρὶ*), переведенное въ нынѣшней славянской Библіи тѣми же словами: *прежде даже не*. Приводя эти примѣры, авторъ съ увѣренностью въ правильности высказываемаго имъ пониманія, говорить, что на этотъ переводъ «вляяпія еврейскаго и сирскаго никакимъ образомъ нельзя предположить». Хотя древне-славянскій переводчикъ и здѣсь могъ пользоваться сирскимъ переводомъ, происхожденіе资料 преданіе относить ко временамъ Апостоловъ, но во всякомъ случаѣ подлинникъ для него долженъ быть служить греческій текстъ Евангелій. Если однако не можетъ подлежать сомнѣнію то, что «прежде даже не» составляетъ передачу указанныхъ греческихъ рѣченій (*πρό* и *πρὶ*), то какъ могъ явиться этотъ славянскій переводъ? Не могъ же онъ произойти оттого, что переводчикъ не зналъ точнаго значенія столь обыкновенныхъ греческихъ словъ. Нельзя также, конечно, допустить и произволъ со стороны переводчика священнаго текста. Какъ же объяснить происхожденіе такого своеобразнаго славянскаго перевода, отступающаго отъ обычнаго значенія переводимыхъ словъ? Авторъ не задается такимъ вопросомъ, хотя онъ неизбѣжно вызывается несоответствиемъ этого славянскаго перевода съ обычнымъ значеніемъ переводимыхъ греческихъ словъ. А если не чуждаться этого вопроса, вызываемаго существомъ дѣла, и искать рѣшенія его, то послѣднее заключается, по нашему крайнему разумѣнію, въ томъ, что на происхожденіе своеобразнаго славянскаго перевода указаннаго греческаго выраженія (*πρό* съ зависящимъ отъ него глаголомъ въ неокончательномъ падеженіи) имѣть вліяніе однородный съ нимъ переводъ этого выраженія въ ветхозавѣтныхъ книгахъ, принятый переводчикомъ въ зависимости отъ соответствующихъ рѣченій еврейскаго текста, какъ это послѣднее раскрывалось было при объясненіи древне-славянскаго перевода Быт. II, 5, и Іер. I, 5. Для того, чтобы понять возможность этого, нужно предположить, что славянскій переводчикъ, впервые переводившій священный текстъ на славянскій языкъ, приступилъ къ этому великому дѣлу послѣ предварительной подготовки, состоявшей, между прочимъ, въ выборѣ тѣхъ формъ славянской рѣчи, которыя могли служить наиболѣе точной передачей библейскаго текста, причемъ принимаемъ быть во вниманіе какъ греческій, такъ и еврейскій текстъ. То, что греческое выраженіе новозавѣтнаго текста передано по-славянски такъ же, какъ и однородное съ нимъ выраженіе перевода 70-ти, вполнѣ соотвѣт-

¹⁾ „Христ. Чтеніе“ за 1905 годъ, февраль, стр. 173—193, или выше стр. 13—30.

стует тѣсной связи, какая существует между греческимъ языкомъ новозавѣтныхъ книгъ и переводомъ 70-ти ¹⁾). Эта тѣсная связь и могла побудить славянского переводчика, при передачѣ греческихъ выраженій на славянскій языкъ, обращаться къ соответствующимъ мѣстамъ ветхозавѣтныхъ книгъ и въ связи съ ними устанавливать наиболѣе соответствующей переводъ. Во всякомъ случаѣ, указанный славянскій переводъ данного греческаго выраженія въ Евангеліяхъ представляется вполнѣ своеобразную его передачу, которая не можетъ быть ставима на одну линію съ другимъ обычнымъ переводомъ этого выраженія, не можетъ быть выдаваема за «самый обычный переводъ», какъ утверждаетъ авторъ.

Въ заключеніе авторъ касается еще того, сдѣланнаго въ нашей статьѣ замѣчанія, что въ древне-славянскомъ переводѣ Быт. II, 5, вместо: «всяку траву сельную» читается: «всякая трава сельная», въ чёмъ мы усматриваемъ одинъ изъ признаковъ различія между нынѣшнимъ и древнимъ славянскимъ переводомъ ²⁾). Разсмотрѣніе этого замѣчанія авторъ начинаетъ съ того, что преувеличиваетъ его значеніе, говоря объ авторѣ статьи, что онъ «придаетъ особенную цѣну—для доказательства зависимости Быт. II, 5 отъ еврейскаго и сирскаго текстовъ—славянскимъ выраженіямъ начального перевода: *веськъ злакъ, всяка трутьва*», что онъ «особенно настаиваетъ на выраженіи: *веськъ трутьва*». Совершенно недоумѣваемъ, въ чёмъ усмотрѣлъ авторъ такое намѣреніе, когда въ статьѣ нашей не указано на эти слова именно тамъ, где раскрываются черты сходства древне-славянского перевода съ еврейскимъ текстомъ ³⁾), не указано именно по сознанію того вообще, что эта особенность древне-славянского перевода имѣеть второстепенное значеніе въ этомъ отношеніи. Не обратить вниманія на исключѣніе словъ: «всякая трава сельная» изъ числа доказательствъ особенной близости древне-славянского перевода къ еврейскому тексту авторъ не могъ, конечно; и если, не смотря на то, онъ утверждаетъ, что мы придаемъ этимъ словамъ особенную цѣну, то допускаетъ преувеличеніе, какъ будто для того, чтобы чрезъ это выпуклѣе представить важность своего выраженія противъ этого, будто бы, сильнаго въ нашихъ глазахъ доказательства

зависимости древне-славянскаго перевода Быт. II, 5 отъ еврейскаго текста, а чрезъ это показать вообще слабость оснований доказываемаго нами пониманія. Самое возраженіе автора состоить въ томъ, что высказанное будто бы въ нашей статьѣ, какъ «несомнѣнное» пониманіе словъ: *всяка трава сельная*—въ значеніи именительного падежа—представляетъ «недоразумѣніе» (или, говоря проще, неправильно), что эти слова, какъ и: *веськъ злакъ* «стоять» «въ такомъ же грамматическомъ подчиненіи къ сказуемому *створи*, какъ небо и земля», что форма именительного падежа, въ какой поставлены эти слова, «есть древняя славянская форма винительного падежа».

На это скажемъ слѣдующее. Хотя въ нашей статьѣ и не сказано, что выше приведенные слова поставлены «несомнѣнно» въ именительномъ падежѣ, мы однако держимся такого пониманія въ виду того, во-1-хъ, что въ формѣ именительного падежа читаются они въ большинствѣ древнихъ списковъ, подробнѣ перечисленныхъ выше ¹⁾), и того, во-2-хъ, что иѣть серьезныхъ оснований понимать грамматическое положеніе ихъ иначе; при этомъ пониманіи библейская рѣчи: *и всяка трава сельная прежде даже не прозябѣ имѣть совершенную полноту и законность*; между тѣмъ какъ, при отнесеніи первыхъ изъ этихъ словъ къ глаголу: *створи* въ качествѣ дополненія, полнота рѣчи утрачивается вслѣдствіе отсутствія подлежащаго при глаголѣ; *не бысть*, почему въ тѣхъ переводахъ, въ которыхъ слова: *всякій злакъ сельный* и *всякая трава сельная* ставятся въ зависимость отъ предшествующаго глагола, привносится въ библейскій текстъ не находящееся въ немъ ни по-еврейски, ни по-гречески, дополнительное слово «который» въ качествѣ подлежащаго при глаголахъ: *не было и не росла* ²⁾). Необходимость такого дополненія сама по себѣ служитъ признакомъ недостаточнаго совершенства перевода. Древне-славянскій переводъ данного мѣста чуждъ этого признака и это составляетъ его достоинство. Признавать слова: *всякій злакъ сельный* и *всякая трава сельная* за дополненіе къ глаголу: *створи* значить нарушать грамматическую правильность библейской рѣчи. О другихъ, болѣе существенныхъ основаніяхъ для того, чтобы принимать указанныя слова за подлежащія при глаголахъ, впереди которыхъ они стоять, ска-

¹⁾ Проф. Корсунский. Переводъ LXX, стр. 590.

²⁾ См. выше, стр. 7.

³⁾ Тамъ же, стр. 10.

¹⁾ Стр. 4—6.

²⁾ Стр. 2—3.

зано выше¹). И если нашъ оппонентъ не соглашается съ этимъ и утверждаетъ, что форма именительного падежа, въ какой поставлены эти слова, «есть древняя славянская форма винительного падежа», то онъ высказываетъ иѣчто совсѣмъ особое, своеобразное, не совпадающее съ тѣмъ, что говорится у славистовъ о склоненіи именъ существительныхъ, оканчивающихся на основу *a*²). На чёмъ же основываетъ авторъ свое «доразумѣніе» на счетъ древней славянской формы винительного падежа? На томъ, что въ Паримійникахъ Захаринскомъ (XIII в.) и Стефановскомъ (XIV в.) вмѣсто: *всякая трава селная* читается: *всяку траву селну*; въ этомъ авторъ видить замѣну «древней формы винительного падежа», т. е. именительного, «болѣе новой формой» винительного падежа. Какъ и вслѣдствіе чего произошла эта замѣна формъ, авторъ не объясняетъ; ему нужно вѣрить на слово въ томъ, что слова: *всяка трава селная* и *всяку траву селную* занимаютъ въ грамматическомъ отношеніи одинаковое положеніе въ рѣчи, т. е. стоять въ одномъ падежѣ; а такъ какъ и въ древнемъ славянскомъ языкѣ существительныя, окончившіяся на *a*, имѣли въ единственномъ членѣ обычную форму винительного падежа на *u*, *ю*, то вслѣдствіе этого указываемая авторомъ замѣна одной формы винительного падежа другою представляется неизвѣроятною, а самая ссылка на указанное разочтаніе въ иѣкоторыхъ изъ Паримійниковъ не имѣющею значенія. Это разочтаніе иѣкоторыхъ изъ Паримійниковъ (кромѣ указанныхъ у автора еще въ 4-хъ³) было извѣстно и намъ; но ему не было придано особенно важнаго значенія потому, что въ большинствѣ списковъ Паримійника и между ними въ самомъ древнемъ — Григоровича — находится отличное отъ этого чтеніе: *всяка трува селна*, согласно съ чѣмъ послѣднее принято за древнѣйшее и преобладающее въ древнее время, а чтеніе: *всяку траву селную* отнесено къ разочтаніямъ, причемъ происхожденіе послѣдняго объяснено тѣмъ, что древній славянскій переводъ свѣряемъ былъ въ позднѣйшее время съ греческимъ текстомъ, подъ вліяніемъ котораго древнее чтеніе замѣнено было другимъ позднѣйшимъ. Если авторъ думаетъ иначе, то долженъ быть привести другія, болѣе надежныя основанія.

¹) Стр. 18—33.

²) А. Лескінъ. Грамматика старославянскаго языка.

³) Стр. 4—5 и 11.

По мѣрѣ силъ мы внимательно разсмотрѣли возраженія противъ объясненія древнеславянскаго перевода Быт. II, 5 изъ еврейскаго текста и должны въ заключеніе откровенно высказать, что сдѣланыя возраженія не поколебали нашего убѣжденія. Вмѣсто послѣдовательного разбора высказаннаго въ нашей статьѣ пониманія авторъ ограничился приведеніемъ примѣровъ, значительная часть которыхъ не относится прямо къ дѣлу; примѣры, какъ и всякая аналогія, особенно безъ соответствующаго разбора, не доказательства. Сдѣланный нами разборъ этихъ примѣровъ — разумѣются особенно мѣста изъ Іер. I, 5 и Ис. VII, 16 — привель насъ къ совершенно иному выводу, чѣмъ какой имѣлся у автора, — къ признанію ясной зависимости древнаго славянскаго текста этихъ мѣстъ отъ еврейскаго.

Въ своемъ возраженіи авторъ не сдѣлалъ самаго главнаго,—не объяснилъ происхожденія древнаго славянскаго перевода Быт. II, 5 изъ греческаго текста; это объясненіе онъ замѣнилъ простымъ выводомъ изъ приведенныхъ имъ примѣровъ, что этотъ переводъ есть «самый обычный и распространенный»; но какъ греческое рѣченіе, значащее «прежде» съ зависящимъ отъ него глаголомъ въ неопределенномъ наклоненіи, могло бытъ переведено словами: «прежде даже не» и «неокончателльное наклоненіе замѣнено изъявительнымъ», этого авторъ не объяснилъ. Вслѣдствіе этого мысль о вліяніи еврейскаго текста на древне-славянскій переводъ Быт. II, 5, объясняющая происхожденіе послѣдняго, оказывается непоколебленною, скорѣе—подкрѣпленною иѣкоторыми изъ приведенныхъ у автора примѣровъ, ясно показывающими вліяніе еврейскаго текста на древне-славянскій переводъ.

Неувѣнчавшійся успѣхомъ опытъ объясненія древне-славянскаго перевода Быт. II, 5 изъ греческаго текста 70-ти, равно какъ и другія мѣста этого перевода, обнаруживающія на себѣ вліяніе еврейскаго текста и другихъ древнихъ переводовъ, кромѣ 70-ти¹), даютъ право приступить къ рѣшенію вопроса, поставленнаго въ заглавіи статьи.

¹) Стр. 33—45.

II. Отвѣтъ на поставленный вопросъ.

Приведенные примѣры древняго рукописнаго славянскаго перевода отдельныхъ мѣстъ ветхозавѣтнаго текста заимствованы изъ списковъ, принадлежащихъ по своему происхождѣнію различнымъ временамъ. Одни взяты изъ болѣе древнихъ списковъ, каковы древнѣйшіе изъ Паримійниковъ и полныхъ списковъ Пятона книжія, другіе—изъ болѣе позднихъ, каковы Паримійники и полные списки Пятона книжія, относящіеся ко второй половинѣ XV-го и къ XVI-му вѣку. Сравненіе перевода однихъ и тѣхъ же мѣстъ Писанія въ тѣхъ и другихъ спискахъ показываетъ, что переводъ, отражающій вліяніе еврейскаго текста, встрѣчается именно въ древнѣйшихъ спискахъ, а въ позднѣйшихъ онъ уступаетъ мѣсто другому, согласованному съ греческимъ текстомъ 70-ти; зато въ нѣкоторыхъ изъ позднѣйшихъ списковъ являются исправленія или дополненія библейскаго текста при помощи другихъ древнихъ переводовъ. Такимъ образомъ наблюденія надъ составомъ древне-славянскаго перевода отдельныхъ мѣстъ двухъ начальныхъ книгъ Библіи по нѣсколькимъ спискамъ даютъ замѣтить въ разсматриваемомъ отношеніи два явленія: 1) въ древнѣйшихъ спискахъ есть мѣста, переведенные съ еврейскаго текста или съ отступленіемъ отъ греческаго перевода 70-ти, и 2) въ позднѣйшихъ спискахъ встрѣчаются отдельныя мѣста, дополненные или вообще исправленные по древнимъ, кромѣ греческаго—70-ти, переводамъ.

Кѣмъ и гдѣ совершилъ этотъ послѣдній трудъ, въ настоящее время остается столь же мало известнымъ, какъ мало известны имена справщиковъ славянскаго перевода Евангелій¹⁾. Но что касается лицъ, которымъ обязанъ своимъ происхождѣніемъ древнѣйшій славянскій переводъ отдельныхъ мѣстъ ветхозавѣтныхъ книгъ, то для выясненія этого есть нѣкоторыя данныя, хотя и не прямая историческая свидѣтельства.

¹⁾ Проф. Г. А. Воскресенскій. Характеристическая черты четырехъ редакцій слав. перевода Евангелія отъ Марка, стр. 298—299.

Исходнымъ пунктомъ при этомъ выясненіи служить то, что такія мѣста библейскаго текста, какъ Быт. II, 5 или Исх. I, 7, принадлежать къ паримійнымъ чтеніямъ, а паримійныя чтенія, какъ входящія въ составъ Богослуженія, принадлежать къ тѣмъ избраннымъ чтеніямъ изъ книгъ Нового и Ветхаго Завѣта, которыя прежде всего переведены были славянскими просвѣтителями и главнымъ образомъ—св. Константиномъ¹). Та особенность, что въ паримійныхъ чтеніяхъ изъ Бытія и Исхода, по наиболѣе древнимъ спискамъ, встрѣчаются отдельныя мѣста, переведенные ближе къ еврейскому тексту, чѣмъ къ греческому, вполнѣ соотвѣтствуетъ тому, что известно изъ древнихъ памятниковъ о многосторонней образованности св. Константина. По этимъ памятникамъ и основанымъ на нихъ изысканіямъ, св. Константина соединялъ съ глубокимъ богословскимъ образованіемъ знаніе нѣсколькихъ восточныхъ языковъ, въ томъ числѣ и еврейскаго. Есть сказаніе, что вмѣстѣ съ греческимъ и латинскимъ языками онъ учился сирскому и еврейскому еще въ Константинопольскомъ училищѣ²). Во

¹⁾ По „Житію св. Кирилла“, онъ предъ отправлениемъ въ Моравію „нача бесѣду писати Евангельскую: искони бѣ слово, и слово бѣ у Бога, и Богъ бѣ Слово“ (Кирилло-Меѳодіевскій Сборникъ, изд. Погодинымъ, стр. 21); а по прибытии въ Моравію „вскорѣже ся весь церковный чинъ предложи“ (стр. 22). Въ „Житіи св. Меѳодія“ находится известій разсказъ о томъ, какъ онъ незадолго до своей кончины, въ продолженіе шести мѣсяціевъ, совершилъ полный переводъ книгъ Ветхаго и Нового Завѣта на славянскій языкъ, вслѣдъ за чѣмъ прибавлено, что до этого времени онъ вмѣстѣ „съ философомъ“ (т. е. св. Константиномъ) „Псалтырь токмо и Евангелие съ Апостоломъ и избранными службами церковными предложилъ первѣ“ (тамъ же, стр. 39). Такъ какъ Париміи входятъ въ составъ церковныхъ службъ, то на этомъ основаніи и полагаютъ обыкновенно иаслѣдователи, что переводъ ихъ былъ совершенъ одновременно съ переводомъ избранныхъ церковныхъ чтеній изъ Евангелія и Апостола. Такой взглядъ на время перевода паримійныхъ чтеній высказалъ прот. А. В. Горскій (тамъ же, стр. 39, примѣч.) и Филаретъ, архиеп. Черниговскій (тамъ же, стр. 70). Переводъ этотъ совершилъ быть главнымъ образомъ св. Константиномъ (проф. Мальшиевскій. Св. Кирилль и Меѳодій, первоучители славянскіе, стр. 122, 131, 288; Е. Е. Голубинскій. Исторія русской церкви, т. 1-й, 1901 г., стр. 728, 904), которому принадлежать, по всейѣ вѣроятности, и самая мысль о переводѣ священныхъ и богослужебныхъ книгъ на славянскій яз. (проф. Мальшиевскій, тамъ же, стр. 94).

²⁾ Имѣется при этомъ въ виду сказаніе, находящееся въ Синодальномъ Прологѣ XIII—XIV в. и въ Четиахъ Минеяхъ (Кирилло-Меѳодіевскій Сборникъ, изд. Погодинымъ, стр. 100—101; 225. Проф. Мальшиевскій. Св.

время своего путешествия въ Хазарскую землю, въ Херсонесъ Таврическомъ св. Константина, по свидѣтельству его Житія, продолжалъ или началъ изученіе еврейскаго языка вмѣстѣ съ самарянскимъ нарѣчіемъ¹⁾. Къ борьбѣ съ іудейскими учеными Константинъ философъ, какъ христіанскій учёный, приготавлялся не только молитвою, но и ученымъ способомъ. Для успѣха своей евангельской проповѣди Хозарамъ, которыхъ проповѣдники іудейства старались обратить въ свою вѣру, онъ съ полнымъ напряженіемъ своихъ силъ, которыми былъ богато одаренъ, изучалъ, по свидѣтельству Житія, «жидовскую бесѣду и книги», а также самарянскій языкъ. Сохранившаяся свѣдѣнія о преніахъ, какія имѣлъ св. Константина съ іудейскими учеными у хазарскаго кагана, показываютъ, что онъ въ защиту христіанства ссылался, между прочимъ, на толкованіе Акілы, или, какъ объясняютъ, на таргумъ Онкелоса²⁾. Что св. Константинъ «не просто только зналъ еврейскій языкъ, но зналъ его, какъ филологъ и археологъ въ области гебраизма, это слѣдуетъ заключить изъ» (передаваемаго въ Житіи его) «сказанія о прочтѣніи и истолкованіи имъ древней надписи на чаши въ Софійской церкви»³⁾, которая сдѣлана была «письменами жидовскими и самарянскими» и «которой никто не могъ понять»⁴⁾. Даже тѣ изъ отечественныхъ изслѣдователей, которые относятся критически къ сказаніямъ житій славянскихъ первоучителей, вполнѣ признаютъ то, что «Константинъ отличался особеною способностью къ изученію языковъ, что онъ зналъ языкъ хазаровъ, понималъ языкъ еврейскій; самаританское нарѣчіе ему было известно»⁵⁾. Самое изученіе еврейскаго языка со стороны св. Константина некоторые изъ изслѣдователей объясняютъ тѣмъ, что у него въ то время, когда онъ былъ въ Херсонесѣ на пути въ Хазарскую землю, предносилъ

Кирилль и Меѳодій, стр. 111). Въ Житіи св. Кирилла обѣ изученіи еврейскаго и сирскаго языка въ Цареградскомъ училищѣ не говорится, хотя въ немъ находится довольно подробное перечисленіе наукъ, которыми онъ здѣсь обучался (Кирилло-Меѳодіевскій Сборникъ, стр. 12).

¹⁾ Кирилло-Меѳодіевскій Сборн., изд. Погодинымъ, стр. 15; проф. Малышевскій. Тамъ же, стр. 42; Меѳодіевскій сборникъ, изданный Варшавскимъ университетомъ, стр. 31.

²⁾ Труды Киевской Дух. Академіи 1889 г., ч. I, стр. 500.

³⁾ Проф. Малышевскій. Тамъ же, стр. 122.

⁴⁾ Кирилло-Меѳодіевскій Сборн., изд. Погодинымъ, стр. 18.

⁵⁾ В. А. Бильбасовъ. Кирилль и Меѳодій по документальнымъ источникамъ, ч. I, 61.

лась уже мысль о переводѣ св. Писанія на славянскій языкъ¹⁾ для чего, относительно ветхозавѣтныхъ книгъ, онъ, какъ филологъ, считалъ необходимымъ знаніе первоначального языка, на которомъ они написаны. Въ Херсонесѣ, где онъ нашелъ Евангеліе и Исаітиль, написанныя русскими письменами, и чловѣка, говорящаго русскою рѣчью, мысль о славянскомъ переводе еще болѣе, нужно думать, ожидалась и усилилась, такъ какъ существование этого русскаго, или какъ правдоподобно объясняютъ, готскаго²⁾ перевода, «яснило указывало на осущестивимость перевода на родственныи съ готскимъ—славянскій языкъ, представляя готовый переводъ, которымъ онъ могъ воспользоваться³⁾.

А если несомнѣнно то, что св. Константина зналъ не сколько восточныхъ языковъ, въ томъ числѣ — еврейскій, если, какъ весьмаѣроятно, онъ изучалъ эти языки, имѣя въ виду переводъ священныхъ книгъ на славянскій языкъ, то при этомъ является вполнѣ естественнымъ и понятнымъ, что онъ воспользовался своимъ языкоизнаніемъ при самомъ переводѣ. Та общая мысль, что св. Константина, при совершеніи своего великаго труда, действительно пользовался различными переводами, высказана у насъ авторитетнымъ изслѣдователемъ въ этой области — прот. К. И. Невоструевымъ: «Не отвергаемъ, говорить онъ, что, судя по учепости и многоязычію св. Кирилла, при своемъ переводѣ онъ могъ имѣть подъ руками и самую Вульгату, равно какъ иѣкои другіе переводы, какъ пособія. Въ древнемъ переводе есть варианта четыре, вовсе не объяснимые изъ извѣстныхъ по изданіямъ документовъ Новозавѣтнаго текста, если не брать во вниманіе иѣкоего Сагидскаго (Египетскаго)⁴⁾ перевода, съ коимъ два изъ нихъ (Іоан. 7, 17: разумѣеть ученіе, Лук. 15, 2: роптаху вси приб.)⁵⁾

¹⁾ Проф. Малышевскій. Тамъ же, стр. 45, 111.

²⁾ Тамъ же, стр. 45—50.

³⁾ Тамъ же, стр. 112.

⁴⁾ Египетскіе переводы и въ частности — сагидскій или верхенегипетскій признаются у современныхъ библейстовъ весьмаѣ важными для изученія древнаго текста новозавѣтныхъ книгъ. Древнѣйшая рукопись сагидскаго перевода восходитъ къ IV или V вѣку. (E. Nestle. Einführung in das Griechische Neue Testament. 1899 г., стр. 106, 109).

⁵⁾ Въ нынѣшней славянской Библіи, Іоан. VII, 17, вмѣсто ученіе читается о ученіи согласно съ греческимъ: περὶ τῆς διδαχῆς, а Лук. XV, 2: вси отсутствуетъ, согласно съ греческимъ текстомъ.

имѣютъ странное сходство. Въ томъ же древнемъ перевоѣ видны слѣды употребленія *Готескаго перевода*, сдѣланнаго въ IV в. епископомъ Ульфилою¹⁾.

Если для достиженія возможно большаго совершенства въ дѣлѣ перевода Евангельскаго текста св. Константина обращался къ Сагидскому и Готскому переводамъ, то тѣмъ менѣе онъ, при перевоѣ ветхозавѣтныхъ книгъ, могъ обойтись безъ еврейскаго текста. Естественная привязанность его, какъ сына греко-восточной церкви, къ переводу 70-ти должна была умѣряться въ его душѣ примѣромъ вселенскихъ учителей церкви, которые въ трудныхъ для пониманія мѣстахъ греческаго перевода пользовались еврейскимъ текстомъ, какъ поступалъ именно св. Іоаннъ Златоустъ, особенно въ бесѣдахъ на Псалмы, при объясненіи которыхъ онъ обращался и къ другимъ, кромѣ 70-ти, древнимъ переводамъ и къ самому еврейскому тексту, рѣченія которого онъ приводилъ и съ церковной каѳедры²⁾. Съ твореніями І. Златоуста хорошо было, безъ сомнѣнія, знакомъ св. Константина; его мыслями онъ пользовался при своей защите славянскаго языка, какъ языка, на который можно и должно переводить Священное Писание и Богослужебныя книги для говорящихъ этимъ языкомъ³⁾. По примѣру этого вселенскаго учителя, и Константина Философъ въ трудныхъ для точнаго перевода мѣстахъ греческаго текста обращался, какъ все располагаетъ думать, къ еврейскому, плодомъ чего и явился сохранный древними списками переводъ Быт. II, 5; Исх. I, 7; Іер. I, 5 и другихъ мѣстъ, которыя найдены будутъ при дальнѣйшихъ розысканіяхъ. Такой переводъ, отступающій отъ греческаго и согласующійся съ еврейскимъ текстомъ, могъ сдѣлать только тотъ, кто съ благоговѣніемъ къ священному Писанию, съ стремлѣніемъ достигнуть наиболѣе совершеншаго перевода на славянскій языкъ, соединяя основательное знаніе еврейскаго языка, какимъ былъ св. Константина. Другихъ такихъ лицъ между продолжителями трудовъ славянскихъ первоучителей по переводу Св. Писанія въ послѣдующія три столѣтія (X—XII), которые владѣли бы знаніемъ еврейскаго языка, историческіе памят-

¹⁾ Кирилло-Меѳодіевский Сборникъ, изд. Погодинымъ, стр. 223.

²⁾ См. Полное Собрание твореній святаго отца нашего Іоанна Златоуста, т. 5-й, стр. 954—963.

³⁾ Проф. Мальшиневскій. Св. Кириллъ и Меѳодій, стр. 97, 143.

ники, сколько известно, не указываютъ, а это обстоятельство съ своей стороны также располагаетъ къ тому, чтобы переводъ указанныхъ мѣсть библейскаго текста приписать именно великому просвѣтителю славянъ—Константину Философу.

Само собой понятно, что, при такомъ взглядѣ на происхожденіе древне-славянскаго перевода Быт. II, 5; Исх. I, 7 и др. мѣстъ, послѣдній получаетъ особенно высокое въ пашихъ глазахъ значеніе, какъ часть драгоцѣннаго наслѣдія, оставленнаго равноапостольнымъ Константиномъ. То мнѣніе, что первоначальній славянскій переводъ священныхъ книгъ утраченъ безвозвратно, вѣрно только отчасти: цѣлый его составъ не сохранился, такъ какъ отдѣльные слова замѣнились другими, примѣнительно къ мѣстнымъ славянскимъ нарѣчіямъ, по основа перевода и выражаемый имъ смыслъ сохранились¹⁾. По словамъ достопамятнаго слависта, прот. Несториева, «первоначальный славянскій переводъ, не помышляя о подлинникѣ, остается слѣдить только въ древнихъ спискахъ книгъ богослужебныхъ,—и чѣмъ болѣе и древнѣе будеть такихъ документовъ, тѣмъ безопаснѣе по нимъ можно составить сужденіе»²⁾. Наиболѣе сохранностью первоначального славянскаго перевода священныхъ книгъ въ Богослужебныхъ или паримайныхъ чтеніяхъ объясняется то извѣстное въ недавнѣе еще время явленіе, что «паримайный переводъ, какъ и нынѣ еще можно примѣтить, разнится отъ перевода цѣлыхъ книгъ, совершиеннаго при Меѳодіи»³⁾.

Такимъ образомъ то, что мѣста библейскаго текста, переведенные подъ непосредственнымъ влияніемъ еврейскаго текста, принадлежать къ паримайнымъ чтеніямъ, которыя переведены главнымъ образомъ святымъ Константиномъ, равно какъ то, что онъ несомнѣнно зналъ еврейскій языкъ, даетъ основаніе

¹⁾ По мнѣнію проф. Мальшиневскаго, «Константиновскій переводъ довольно сохранился въ болгарской редакції, но меѳодіевскій переводъ, какъ подпавшій большими исправленіями и передѣлкамъ въ Болгаріи, вслѣдствіе бывшаго преобладанія въ немъ моравизмовъ, можетъ считаться утраченнымъ» (Святые Кириллъ и Меѳодій, стр. 291—292).

²⁾ Кирилло-Меѳодіевские Сборн., изд. Погодинымъ, стр. 211.

³⁾ Слова прот. А. В. Горскаго (см. Кирилло-Меѳодіевский Сборн. изд. Погодинымъ, стр. 39). Въ настоящее время указанное различие между паримайнымъ текстомъ и текстомъ слав. Библіи слажено, какъ это видно изъ изданія: «Паримайникъ сиестъ собраніе паримай на все лѣто», въ которомъ паримайная чтенія не разнятся отъ текста нынѣшней славянской Библіи.

думать, что переводъ нѣкоторыхъ мѣстъ ветхозавѣтныхъ книгъ, при пользованіи еврейскимъ текстомъ, принадлежитъ именно славянскому первоучителю св. Константипу-Кириллу. Отсюда само собой понятно, какое высокое значеніе имѣютъ сохранившіеся въ древнихъ спискахъ славянскаго перевода остатки первоначальнаго Кирилловскаго перевода и какъ необходимо для русскаго и вообще славянскаго библейста изученіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и изданіе древне-славянскаго перевода Библіи.